

А. Черняев

Проект.

*Советская политика 1972-1991 гг. - взгляд
изнутри*

1983 год.

1983 год.

30 января 83 г.

Что-то случилось со мной после больницы и Барвихи. Вяну день ото дня. И тревога. Не потому, что врачи убедили, что сердцу осталось немного, оно устало и я его должен щадить. Нет. Это не страх инфарктника. Другое... Недаром же меня потянуло читать «Фауста». А возвращение на службу к Пономареву вызвало острое ощущение «комплекса Дяди Вани».

«Собрание сочинений» Брежнева интересней было сочинять потому, что он не вмешивался в написание текстов, а Пономарев вмешивается и портит, опошляет, примитивизирует то, что, пользуясь его должностью, искренне хотелось бы вложить в выходящее под его именем. Поэтому летят в корзину не только черновики, которые гораздо содержательнее окончательных текстов, летят на ветер душевные муки, выношенные мысли.

И опять же не в этом главная беда. Главная беда, что он мешает делать в нашей сфере ту политику, которую можно и нужно делать при Андропове. Беда в том, что мы теряем время потому, что во главе этого участка сидит мелкий тщеславный чиновник с пропагандистско-полицейским складом ума, завистливый, трусливый, суетливый, готовый предать любую мысль, чтобы самому «выглядеть» так, как он считает нужным – перед своим начальством.

Впрочем, начальство видит его насквозь и долго ему не протянуть. Однако обидно лететь вместе с ним в политическое небытие, потому что меня и аппарат, и начальство идентифицирует с Пономаревым, считая его alter ego.

Словом, мысль, что пора как чеховскому дяде Ване «хвататься за пистолет» против того, кто мешал мне стать самим собой, хотя и сделал меня зам. завом, членом Ревизионной комиссии, кандидатом в члены ЦК и т.д. Он меня вознаградил в своем стиле, полагая, что для меня имеет значение и составляет смысл жизни такое вот «возвышение» - как для него самого, как и для всех людей (их то он всех презирает).

13 февраля 83 г.

Со 2-го февраля на Даче Горького. Доклад о Марксе для Пономарева. Я, Бурлацкий, Красин, Амбарцумов, Козлов, Вебер плюс подставленный Пономаревым Пышков, поскольку он до этого полгода обретался здесь же в команде по подготовке сначала для Брежнева, потом для Андропова, сначала доклада о Марксе в Берлине.

Сделали сначала 60 страниц, острых, в андроповском духе..., явно не проходимых у Б.Н. Сами себя начали обуздывать. Завтра дам ему уже чуть приглаженный текст на 47 страницах. Он пока еще совсем не в пономаревском духе, для которого истина, включая марксистскую, имеет значение только для «пропаганды успехов» или «разоблачения империализма», но отнюдь не для реальной политики.

А между прочим, в статье Андропова о Марксе (в «Коммунисте») нет и намека ни на то, ни на другое. Слово «империализм» вообще отсутствует.

Делая замечания по первому варианту этой статьи, как мне рассказал Пышков, Андропов потребовал, прежде всего, считаться с реалиями и не говорить «ничего против совести» (по Ленину). В этом же духе у него состоялся разговор с главным редактором «Правды» Афанасьевым в присутствии Зимянина. Он требовал от «Правды» только правды, требовал проверять последствия своих выступлений, не отступаться, пока не будет реального результата, велел лучше учиться разговаривать с Западом (хвалил Арбатова, Загладина, пятерых, кто умеет разговаривать «на их языке»). Заметил, между прочим, что битву по «правам человека» мы проиграли... Что напрасно мы делаем вид, будто противоречия у нас неантагонистические (а тюрьмы, а преступления и т.п.? Это что – борьба «хорошего с лучшим» или разногласия?). И т.п.

«Правда», «Советская Россия», «Литературка» сильно изменились за андроповское время, даже по сравнению со своими прежними в общем «продвинутыми» позициями. Народ впервые за много, много лет бросается читать передовые «Правды»! Почти исчезла казенщина и почти нет пошлого хвостовства.

Начало встречи Андропова на заводе им. Орджоникидзе: старый рабочий: «Юрий Владимирович, позвольте начать с неприятного вопроса?»

- Для этого и собрались...

- А где вы были раньше?

После короткого замешательства в зале ответ: «Там же, где и вы!»

Словом, я верю в Андропова, дай Бог бы ему хотя бы пять хороших лет!

Скорее бы сходил на нет Б.Н., хотя самому мне это может стоить работы. Пока этого не произойдет, мы будем губить МКД. История с письмом против ИКП. Статья для «Нового времени»: кричал на меня «Это оппортунизм!», когда я высказал сомнение – надо ли вообще «давать отпор итальянцам». Статью зарубили на Политбюро, посоветовали остановиться на закрытом письме ЦК та же статья... по содержанию, свидетельствующая о том, что мы просто не хотим ничего понимать или – с итальянской точки зрения – просто глупцы. Письмо ходило по членам ПБ две недели. Его все-таки утвердили... Б.Н. сообщил мне об этом на дачу, по телефону, жаловался (забыв, что я отнюдь не его единомышленник в этом деле) – мол, долго колебались, сомневались, правили, но все же согласились.

Видно на Андропова действует еще инерция престижности «парт-отца», раз он все-таки сдался. (Как это так – могут не признавать, что мы во всем правы, что мы не можем не быть правы!). И потом – он не знает альтернативы и никто ему ее не изложил, в том числе и Загладин. Все замыкается опять на Пономарева. Завтра почитаю в шифровках, чем кончилась эта глупая акция.

История с проектом записки Громыко-Пономарева в ПБ (по телеграмме Добрынина) – о нашем долговременном курсе в отношении США. Мой проект – в котором я предложил записать курс на нормализацию во что бы то ни стало как курс долговременный, независимо от того, кто там в Белом доме, - Корниенко-Комплектов высмеяли – как наивный проект протянутой руки. Громыко с ними согласился, звонил Б.Н. и дело задвинуто в долгий ящик. Мелкотравчатая публика сидит у нас в МИДе. Между прочим, Комплектова недавно сделали замом в МИДе, а это ведь мелкий чиновник по всему своему духу - и по образованию, и по опыту работы. Для него политика – это очередная бумажка, не более того.

20 февраля 83 г.

В среду на Дачу Горького приезжал Пономарев, накануне обхамивший текст по телефону. Однако, в присутствии «посторонних товарищей» держался прилично (может быть, потому, что прочел к приезду сюда весь текст, а не с пятого на десятое). Потом даже, как обычно, ударился в реминисценции, связанные с этой дачей... Как туда, к Горькому приезжали Сталин и Ворошилов, и как молодой Минц (нынешний академик), «стоя вот на этой веранде» шесть часов докладывал о тексте I тома «Истории Гражданской войны»... О Ярославском, - почему он «сохранился» (благодаря Орджоникидзе, которого тот спас в Якутской ссылке) и как несколько месяцев громили его четырехтомник «Истории ВКП(б)» за одну фразу: что Сталин до возвращения Ленина в Россию занимал не совсем правильные позиции.

Но это все присказки. А сказки – в нашей работе.

Наговорил указаний, которые меня раздражали, а остальные воспринимали с пониманием и благоговением (дистанция!), ловя там крупницы «прогрессивности» (например, признание неудач, противоречий). И все пошло по новой.

Раздражает, что некоторые из семи мужиков превратили пребывание на даче в курорт. Красин и Пышков написали за 20 дней едва по 2-3 страницы... И все гуляют, все на лыжах. Оглянись в окно – обязательно увидишь одного или другого там. А у Красина какой-то

психоз: до завтрака он делает зарядку и бегаёт, после завтрака (кефир, кофе) он идет на лыжах. Потом лежит на диване, нахлобучив заграничные глухие наушники, слушает успокаивающую музыку, потом не знаю, что делает, а за два-полтора часа до обеда – опять на лыжах, после обеда – прогулка... После ужина – бильярд и опять прогулка.

Подозреваю, что у него молодая любовница, вот он и поддерживает форму. Но причем тут наш бедный Маркс!

Меня бесит такое, особенно на фоне энтузиазма и искреннего желания сделать хорошо – у Амбарцумова, Вебера, Козлова.

И самому приходится не только писать свои куски и переделывать, а и дописывать за других.

Кончать надо с этими дачами – символами паразитирования на чужих мозгах. Или возвращаться к ленинско-сталинским временам, когда писали сами члены ПБ, члены ЦК, т.е. избрать много пишущих туда и чтоб они работали на дело, а не на собрание сочинений Пономарева и ему подобных.

Какой-то излет каждодневно чувствую в жизни. В духовном круговороте полная надорванность, когда остаюсь с самим собой. Беру, например, гулыгинскую книжку о Шеллинге, а спроси через два дня, что там вычитал, - убей не припомню. Стал читать «Жизнь Иисуса Христа» Ренана, помню, что интересно, а что именно было интересно, на другой день улетучивается. То же со всякими статьями и книжками-развлечениями. Вычитываешь в «Литературке» иногда вещи явно значительные, но они не держатся в голове до следующего ее номера.

Все-таки две вещи из статьи драматурга А. Мишарина я зафиксировал: «Сегодня необходим разговор прямой, нелицеприятный, разговор о добре и зле, о тех и том, и кто, и что мешает нам жить. И также совершенно очевидно, что разговор этот должен идти с конкретностью, страстью и глубиной, унаследованной от нашей классической русской культуры. Другого пути нет». Или: «... Сегодняшняя социальная драма должна ставить перед обществом проблемы, общественно чувствуемые, назревшие, но не решенные. Она фиксирует главные, фундаментальные сдвиги общественного сознания. И основное среди них – испытание сегодняшнего человека личной ответственностью... Все вопросы ставятся заново. И в этот момент – колоссально повышается! - роль литературы, театра, семьи, основ человеческого бытия. Вот что сейчас на повестке дня. Кем станет человек? Борцом? Нуворишем того или иного призыва? То, чего ждали двадцать лет назад, пришло сегодня».

Вот какой замах! Я уже об этом писал. Литература наша вновь выходит на путь, определенной ей в XIX веке. Но и жизнь в андроповскую эпоху поворачивается в совсем новое, не ординарное со сталинских времен русло. Пока, впрочем, идет раскачка жесткой системы, хотя и под видом наведения порядка и дисциплины.

13 марта 83 г.

Не пишу регулярно. И очень жаль, потому что есть о чем. Правда, месяц пробыл на Даче Горького. Однако, главная причина – лень и стратегическая усталость от жизни.

Под влиянием публикаций Эйдельмана о Карамзине я успел прочитать штук 30 рукописей к очередному заседанию «Вопросов истории». Между прочим, большая толковая статья какого-то полковника Генштаба «Битва за Кавказ». Взяв ее в руки, подумал, конечно, будет ли там Брежнев. Так вот – нет! На протяжении 40 страниц текста о десанте Кунникова, о «Малой земле» - несколько страниц. На этот раз история стремительно восстанавливает истину..., но сколько же учить нас надо порядочности, достоинству, просто здравому смыслу – не в индивидуальном, а социальном смысле?!

Как развивается эра Андропова? Самое заметное – в прессе. Нет хвастовства, много критики, серьезный разговор о текущих проблемах, никакой боязни перед «критиками» и клеветниками социализма «там». Критикой захватываются все более высокие эшелоны. Министерское звание уже не спасает. Очень хорошо, но недостаточно. Есть тактика, видно

намерение создать иную общественную атмосферу. Но большой политики, стратегии выхода из кризиса незаметно. Может быть, ее и нет. Арбатов, который опять воспытал ко мне, так как оказался отодвинутым, а не приближенным, на что рассчитывал без тени сомнений, так и считает. Убеден, что время уже упущено. И все сводит к тому, что надо разогнать всех прежних. В значительной степени, дело, действительно, в кадрах. Но где найти взамен? Где тот механизм, который бы помогал их выявлять? И, особенно, - где то доверие, без которого нет смелой кадровой политики? КГБ, наверно, не то место, где вырабатывается такое доверие, как политическое качество государственного деятеля.

Арбатов считает, что время упущено еще и потому, что – раз нет осязаемого продвижения вперед, начинается дискредитация, утрата надежды и авторитета. Пока Андропов был полтора месяца болен, повысились цены на многие вещи, в том числе на газ в три раза, на телефон раз в 10, за электричество, на металлические изделия, на кое-какую еду, на мебель еще в 2 раза, на бензин и т.д. – т.е. фронтальное повышение на довольно повседневное потребление. Арбатов подсчитал, что те повышения зарплаты, которые были произведены по решению XXVI съезда некоторым категориям трудящихся, уже «съедены». В народе начался шумок...

А Пленум готовится не по кардинальным «народным» проблемам, а по идеологии. Это насторожило интеллигенцию. Говорят о запретах спектаклей, об ожесточении цензуры, о том, что в журналах зажали некоторые интересные рукописи (выжидают!). Словом, идеологической оттепели, которую привыкли ждать после каждой смены генсека, не произошло.

Восторги первых дней после Брежнева испарились.

Многие убеждены в соперничестве между Андроповым и Черненко. Я в это не верю.

Разное отношение вызвала статья Андропова о Марксе. Мне она понравилась откровенностью и «ленинским» стилем в том смысле, что не подлаживалась под «общенародное» понимание, а обращена к политически грамотной, культурной аудитории. Но с точки зрения набора стратегических идей, Арбатов, пожалуй, прав... Вот прошло больше недели, как она появилась. Я ее читал три раза. А спроси – о чем она – не отвечу, если, конечно, иметь в виду нашу перспективу, план действий. Хотя уже хорошо, что нет хвастовства, отношение к социализму, как к действительно реальному обществу реальных живых и далеко не идеальных людей.

(Кстати, о людях этого общества. Пошел я на кубок Дэвиса в Лужники. И опять, когда попадаю в эту массу москвичей, оказываюсь в шоке от того, что у меня с ними – ничего общего. Но у меня-то ладно. Я уверен, что и у Андропова и К^о с ними тоже нет ничего общего. Толпе до лампочки весь этот «социализм» и все эти заботы о его совершенствовании. Большинство их в дубленках, в кожаных пиджаках, очень модные, современные, очень самоуверенные и благополучные. Социально – это интеллигенция, служащие, около-спортивная братия. Для многих быть при спорте – своего рода «состоять в клубе», в клубе «своих людей». Это – и хобби, и смысл существования, форма общения с себе подобными. Работа для них – исключительно средство получать зарплату. Самостоятельного смысла и внутреннего интереса она не представляет. Для кое-кого она, может быть, просто прикрытия легального безделья или не совсем законных, но денежных занятий. В каком обществе они живут, думаю, им абсолютно безразлично.

Но это – только ведь один слой, столичный. По всей стране он, может быть, насчитывает несколько миллионов. И, возможно, с точки зрения общественной нравственности он не самый худший, поскольку обладает неким минимумом общей культуры.

К кому же обращена тогда статья Андропова о Марксе? К таким, как я, Арбатов, Амбарцумов и иже – «горьковчанам»?

20 марта 83 г.

Неделя, как неделя. Но прошло совещание Секретарей ЦК (международное) из соцстран. Б.Н. очень доволен. Другие участники (в кулуарах): «Доколе?!» Т.е. доколе будем друг друга убеждать и информировать (взаимно) о том, о чем всем прекрасно известно? Доколе координация будет сводиться к произнесению лекций-монологов об опасности империализма и о значении совместных действий!

Принимал Секретарей ЦК Андропов. Зачитал написанную нами и очень сильно ухудшенную Б.Н.'ом памятку. Это разочаровало. Я рассчитывал, что он воспользуется случаем, чтобы сказать что-нибудь о соцсодружестве в духе резолюции 1956 года. Но мои попытки разбились об Б.Н.'а, который разгадал их замысел и вновь (!) воспротивился вкладывать оригинальное в уста Генерального: он против того, чтобы приход Андропова открыл действительно «новую эру».

В Волынском готовится заключительная речь Андропова на Пленуме по идеологии в июне. Загладин весь в эйфории. Но успевает и все другое. Одних только статей и выступлений по Марксу (165-летие): статья в «Правде», статья в «Коммунисте», статья у Хавинсона (журнал «Мировая экономика и международные отношения», в «Новом времени», выступление на международном семинаре в Париже, на конференции в партшколе и т.д. и т.п.

Пономарев рвет и мечет. Но он уже своим первым замом не владеет – даже, когда речь идет об отдельской службе. Например, на вышеупомянутом совещании: Загладин вел редакционную комиссию, изредка заходил в зал заседания самого совещания, шептал что-то Б.Н.'у на ухо, брал свою дипломатку и уезжал! Демонстрируя, что он делает «от селе – до селе», а в остальном плевал он на эту мышиную возню. Впрочем, это один из признаков распада старой «структуры» аппарата, в том числе Международного отдела.

В пятницу было 60-летие Беркова (консультант Международного отдела, друг Арбатова) в доме журналистов. Это «празднование» - нагляднейшая картина нравственного разложения нашего достопочтенного коллектива, которым мы так гордились со времен Елизара (Кусков, был до Загладина первым замом Б.Н.'а). Пошлые остроты, мат в присутствии дам, злобные выпады друг против друга под видом товарищеских шуток, оскорбительные реплики, наглый цинизм в отношении всего «нашего (отдельского) дела». Особенно выделялись Меньшиков, который обнажил всю свою гнусную натуру, Собакин – свою глупость, когда пьян, и – полный маразм, по-моему уже алкоголическую шизофрению, Шапошникова... Он был пьян до изумления. И из бессвязного словоизвержения можно было только догадываться о том, что в нем происходит, когда он трезвый. Происходит «распад личности». Очень неплохой когда-то человек, превратился в злобного, мелочного, мстительного завистника, который в состоянии совершить любую подлость, любое предательство.

До сих пор я не могу освободиться от отвращения, вспоминая эти ночные часы. И среди других пришла и такая мысль: он (Шапошников) ведь очень типичный человек для того слоя, из которого состоит высокий и частично высший эшелон наших кадров. Это страшно – ведь для таких нет «самодействующих» категорий порядочности, чести, верности, идейности. Есть только голый карьерный интерес и неутоленное, извращенное до болезни тщеславие.

22 марта 83 г.

Выпросил у Пономарева день, чтоб поработать дома – окончательно почистить текст о Марксе для его доклада в Большом театре 30 марта. Работается в три раза легче, быстрее и лучше, чем в office.

Новый вариант для Б.Н. – выступление в Отделе перед представителями mass media и общественных организаций по итогам совещания Секретарей ЦК соцстран.

Проект письма Брандту – обращение к конгрессу Социнтерна по делам разрядки.

И прочий поток текучки.

Арбатова-таки пригласили в Волынское на подготовку совещания в верхах по СЭВ'у. Хорошо – и по делу, и для него.

25 марта 83 г.

Вчера вечером доконал доклад о Марксе. Вытравил последнюю свежесть. В заключении я попытался дать на двух страницах ответ: почему мы, КПСС, считаем марксизм-ленинизм руководством к действию. Современный ответ, без схоластического лекционного трепана.

В результате долгого спора, Б.Н. свел доклад к тривиальностям, которые можно было бы сочинить за 2-3 дня. И вся работа состояла бы в поисках цитат...

В чем дело? В двух обстоятельствах. Бойтся выпендриваться и демонстративно претендовать на роль конкурента в области теории, т.е. отстаивать позиции, которые силою обстоятельств оказались им заняты при Брежневле. А теперь и Андропов, и Черненко «делают теорию сами».

Второе. Ему претит отовсюду идущее желание видеть в Андропове «новый этап». В силу того, что его лично отодвигают и от теории (от изменения Программы КПСС, конкретно), и от политики, в силу того, что «всех их» он считает нуворишами в политической деятельности, а себя единственным в их среде «образованным марксистом» и теоретиком, а главным образом потому, что ему под 80 и голубая мечта стать членом ПБ испариться окончательно... Он сопротивляется, не скрывая пренебрежения (перед нами, «близкими») к начинаниям и новым идеям нового Генерального и тех, кто его в этом поддерживает. Консерватизм (политический и идеологический) в нем нарастает не по дням, а по часам.

Рассказ Брутенца, как Александров ему (Б.Н.'у) поручил сочинить для Андропова на идеологический пленум три страницы по «третьему миру» и как он пытался саботировать это задание.

Б.Н. вдруг подарил изумительный набор чернильных ручек. Решил попробовать, а оказалось, что их у меня целых три, лежат запущенные.

Странен он, мой шеф. С одной стороны он очень одинок. И ему хочется, чтоб хоть кто-то был близок, например, я. Вот и расчувствовался с ручками. С другой – щедростью души он не отличается, потому что эгоист от природы, а теперь еще и старческое. И поэтому думает легко отделаться... за вчерашнюю мою дискуссию с ним, видно, по очень болезненному для него предлогу.

3 апреля 83 г.

30 марта состоялся доклад Б.Н. о Марксе. Большой театр, неожиданно: Андропов во главе всего Политбюро! (Я оказался в первом ряду). Читал Б.Н. прилично, но места, рассчитанные на эмоции, не сумел подать.

Приняли... ничего. На другой день продолжались поздравления, ... и в мой адрес - тоже.

Пристально я наблюдал за «отношением»: президиум – докладчик.

К нему таки снисходительное, немного ироническое отношение. Он этого не хочет видеть. Впрочем, публика, в том числе за рубежом, этого не знает. Его наоборот, особенно там, считают «серым кардиналом», в то время как ни в политике, ни в теории (на что он особенно претендует, это его последний редут) он никакого значения не имеет. Просто высокопоставленный, опытный чиновник.

Сам он очень доволен, как все было.

На другой день он уехал в отпуск в Крым.

А Загладин еще до него уехал (опять!) в Венгрию, а затем в Вену для тайной встречи с Коссутой.

В эти последние дни, когда Б.Н. еще был здесь, я пытался спасти Басова, референта по Афганистану. Но поздно. В этот вечер меня «проинформировали», что с ним произошло. Милиция его схватила на улице в подпитии после поминок друга, погибшего в Афганистане. Сволочи – принципиальность свою показывают на работниках ЦК! Когда я на утро стал произносить речи перед Пономаревым, он сказал: «Ну, как же пьяный был ведь. А сейчас знаете, как за это!» Удалось спасти его только от партийного разбирательства и выговора. Бумага же об увольнении (в момент моего разговора) была уже на столе у Черненко.

Попутно Б.Н. (поскольку я затронул тему, как Щелоков разложил милицию) сообщил, выйдя, конечно, из-за стола, подальше от телефонов! «... Вы знаете, какие преступления за ним. Густов (зам. Пельше, председателя КПК) докладывал на Секретариате... Они ведь что делали... Отобранные ценные вещи и драгоценности у преступников распределяли между собой, имелся даже своего рода «кооператив», лавка, куда пускали только избранных, но в основном родственников. Три «Мерседеса» было в семейном пользовании. Много, много за ним числится. Он заслуживает очень тяжелого наказания. Но, вы понимаете, все ведь знают, кто его привел... 10 лет он был министром внутренних дел. Неловко теперь. Да, а вы знаете, у него жена покончила самоубийством».

Я пытался воспользоваться этой повестью, чтоб опять вернуться к Басову: вот, мол, по чьему доносу мы его увольняем. Но – безуспешно.

Между тем, Щелоков в первых рядах присутствовал на пономаревском докладе в Большом театре! А билеты-то (именные) распределял не кто иной, как горком товарища Гришина!

Оно, конечно, понятно. Брежнев знал, что делал. «Своих» он «остепенил и опогонил» так, что ликвидировать их стало очень трудно. Тот же Щелоков – полный генерал, увешенный орденами, прославляемый и неприкасаемый столько лет. И вдруг перед лицом всего мира теперь снимать с него погоны! И что-то говорить народу и миру! Не гоже. Не принято теперь у нас. Пусть будет шито крыто. Обойдется.

Василь Быков «Знак беды» в «Дружбе народов». Берет уже под прицел всю философию советской истории.

14 мая 83 г.

Опять долго не писал. Хотя то и дело появлялись сведения, которые того заслуживали. Наверно, от усталости. Она перманентна: из-за службы.

Загладина уже около трех месяцев нет на работе. То за городом немного работал (заключительное слов Андропова к идеологическому Пленуму), то в трех заграничных командировках, включая Берлин (165-летие Маркса), то в больнице по поводу диабета, где он сочиняет одну статью за другой для кого попало, от «Новых дроги» польской, до «Нового времени» и «Агитатора». Страсть, таким образом, самовыражаться, вызывавшая долгое время всеобщее удивление и почтение, теперь становится предметом всеобщей иронии и насмешек: какой, мол, журнал ни откроешь, всюду Загладин, либо сам, либо под псевдонимом.

Я был у него в больнице, «по его просьбе». Оказалось, что он хочет поделиться только со мной самым интимным. Он решил развестись со своей женой. Полюбил подружку своей дочери, которой 25 лет. Я искренне его поддержал, сказав, что «мужчине нужна подружка» (по Кипплингу), а ему, добровольно взявшему на себя интеллектуальное бремя, - тем более.

Через несколько дней он позвонил мне и сообщил, что довел свое решение до сведения Тамары (супруга) и, как ни странно, получил отпущение: скандала не будет. Спросил, как лучше поставить в известность Пономарева.

Словом, он целиком занят собой: сочинением своих эссе и устройством души. Кстати, хоть и лежит на Мичуринском, но через день ездит к экстрасенсу – Джуне. Говорит – эффект потрясающий, а врачи не догадываются почему, принимают на свой счет.

Впрочем, не забывает и службу. Как ехидно выразился Александров-Агентов, ведет там в больнице свое делопроизводство: редактировал текст доклада Черненко к Пленуму,

участвовал в сочинении предисловия к сборнику Андропова, который должен выйти в ФРГ, принимал главу делегации СДПГ – Шумахера, продолжал тайные игры в большой политике.

Меньшиков к нему ходит чуть ли не ежедневно. Накануне дня Победы зашел ко мне: мол, меня приглашает к себе посол США Хартман. Я спрашиваю: зачем?

- На коктейль...

- А все таки?

- Ну, что ты не знаешь... У меня связи со многими американцами, с тех пор, как я работал в Америке. Об этом известно кому нужно. Когда я пришел работать сюда, я говорил об этом Пономареву.

- А он что?

- Ничего... Я очень часто в посольстве бываю. Особенно, когда приезжает кто-нибудь из моих знакомых, устраивается прием. И в этом году уже был несколько раз. Каждый раз согласовываю с Загладиным. И сейчас вот он считает, что надо пойти. Хартман едет домой и перед отъездом хочет, наверно, сказать что-то важное.

- Ты уверен, что он, как и другие твои собеседники, говорят тебе что-то такое, что Москва не знает от Добрынина и по другим каналам. Ты ведь не все шифровки читаешь, а я читаю практически все и думаю, что в них – более чем достаточно, чтоб ПБ определяло свою политику и тактику в отношении США со знанием дела. Это, так сказать, деловая сторона, которая снимает необходимость твоих «конфиденциальных» контактов. Другая – уверен ли ты, что они тебя не заложат, когда им покажется выгодно это сделать. Ты ведь теперь не какой-то там представитель ИМЭМО в США, вольный ученый, ты работник ЦК и таким образом очень хороший объект для провокации.

- Ну, не думаю. Правила игры они соблюдают...

- Смотри, смотри... Сейчас особенно надо бы быть осторожным. Вон какая кампания антисоветской шпиономании и высылки наших ребят пачками в 48 часов из уже дюжины стран.

- Я учитываю. Но знаешь, они ведь и Александрову послали приглашение. Но он сказал, что сам не пойдет, а вот Меньшиков пусть сходит.

- Кому он это сказал?

- Загладину.

- Ну-ну! *Dixi et salvavi animam meam*, как говорилось в том числе и Марксом.

В посольство он пошел и, как повелось, мне запись беседы не показал и вообще ничего не рассказал, и я, разумеется, не спрашивал.

Позавчера раздается звонок: Александров Андрей Михайлович!

- Анатолий Сергеевич, - слышу я иезуитский знакомый голосок, - объясните мне пожалуйста, по чьему это поручению товарищ Меньшиков беседовал с послом Хартманом? Так ведь и написано в его докладной: «По поручению встретился...» А ведь вам должно быть известно, что такая формула означает, что поручение дал Секретарь ЦК, не меньше. Иначе – оно не в счет. Никто другой таких поручений давать не имеет право. Я вот должен докладывать теперь Юрию Владимировичу, он спросит, откуда это все взялось... - что я должен отвечать? Там ведь ответственные вещи, хотя и известные нам, например, что Шульц хочет приехать, если его примет Андропов, и что не хотят они приезда Замятина – не тот уровень.

В ответ я рассказал Александрову как было и есть, не забыв и о том, что его якобы самого тоже приглашали. Словом, как изложено выше. Спросил: а что Меньшиков сам прислал запись?

- Нет. Прислал Загладин.

- Ну, вот и надо считать, что это было «поручение» Загладина. Потому, что с Пономаревым я на эту тему говорил несколько дней назад. Он, - говорю, - вообще удивился, что Меньшиков занимается такой своей «личной политикой», отрицал, будто Меньшиков испрашивал у него «в принципе» разрешения на продолжение контактов, когда он утверждался на работу в Отдел, тем более он не знает ничего о данном визите на коктейль.

- Что прикажете делать, Анатолий Сергеевич?
- Не знаю. Я не мог отменить «совет» Загладина, тем более, что была ссылка и на вас.

- Черт знает что! Буду звонить Пономареву.

Пономареву он действительно позвонил. Тот, конечно, (как он мне сам потом рассказал) от всего отмахнулся, свалил все на Загладина, который «что хочет, то и делает, хотя на работе мы его не видим месяцами» и обещал «навести порядок» в отношении Меньшикова. Посоветовал Александрову записке не давать ходу, а прислать ее в Международный отдел для списания. Так А.М. и сделал. Записку я, в результате, видел, в ней, кроме меньшешковских претензий на значительность своих контактов ничего по делу нет такого, чего бы не было известно и без него.

Это один из последних эпизодов «тайной личной политики» Загладина.

Другой эпизод еще не закончился. Но он уже стоил нам пары миллионов рублей и может обернуться грандиозным скандалом.

Речь идет о покупке Коссутой газеты «Паэза Сэра». Он хочет ее превратить в нечто вроде «Искры» для борьбы против Берлингуэра и К^о и обращения затем партии вновь в марксистско-ленинскую. Заверяет нас (Загладина), что за ним идет 25 % членов ИКП (хотя, как показала предсъездовская дискуссия в начале года, на самом деле не набралось и 1 %). Сразу после прошлогоднего январского Пленума ИКП, на котором была принята знаменитая резолюция по Польше и тем самым ИКП осудила и отмежевалась от реального социализма, Коссута вышел на Загладина (они встречались тайно в Париже и в Вене) и заявил, что он развертывает борьбу, но ему нужны средства. Загладин убедил Б.Н.'а, который всегда был склонен к полицейским методам работы в МКД, помнил удачу на этом пути 50, 40 и 30 лет назад, согласился и убедил ЦК, что это нужно, чтоб покончить с еврокоммунизмом. Через подставную торговую фирму Коссута получил два миллиона.

Газету удалось купить, но изменений в ней (идейно-политических) никаких пока (за год) не произошло. Тем временем она неуклонно шла к банкротству. Руководство ИКП вскоре «почувствовало», что с «Паэзой Сэра» что-то происходит такое... Была организована подписка на спасение газеты от банкротства. И печать уже открыто стала писать, что это де «рука Москвы» губит газету, чтоб ее передать в руки ставленников Коссутой. Бенедетти, человек Коссутой, которого он поставил во главе «Паэза Сэра», газету таки недавно закрыл. Коссута тут же опять возопил о помощи: мол, мы газету закрыли, чтоб почистить ее редакцию, поставить потом «своих», возобновить выпуск летом и через месяцев 12-13, он уверен в этом, она будет выходить уже как вполне хорошая. Но для этого нужно немедленно, и осенью, и в январе еще два миллиона.

Б.Н. готов бы был дать. Но при нынешнем положении у нас с валютой, стесняется просить в ЦК еще оторвать у советского народа столько денег на дело, явно сомнительное со всех точек зрения. Вот уже два месяца Коссутта бьет тревогу, требует, просит. Б.Н. же ходу не дает. Все заставляет то меня, то Зуева (зав. сектором романских стран) «спрашивать», что думает Загладин. Тот отказывается (сидя в больнице) принимать у себя работника из шифровалки, чтоб тот показал ему эти телеграммы, а по телефону мне и Зуеву говорит, что, мол, раз начали, надо доводить до конца. Сам же Пономареву не звонит. Я передаю «мнение Загладина» Б.Н.'у, но когда он спрашивает мое собственное – высказываю «глубокое сомнение». Такой же точки зрения держится и Зуев. Б.Н. пребывает весь в колебаниях. Очень уж он не любит Берлингуэра, очень ему хочется его скovyрнуть, очень он мечтает, чтоб Коссуте это удалось, очень он полагается именно на такие методы и уже попросил бы еще денег у ЦК, но «валютная ситуация» сдерживает, да и провала боится.

Недавняя история, когда все руководство иранской «Туде» признала, что она, эта газета, с самого своего основания, во всяком случае с 1945 года, – есть шпионская организация в пользу СССР,- еще больше усилили колебания Пономарева.

Все это дело – результат «личной политики» Загладина в МКД, его склонности к интригам и ко всяким эдаким «тайным операциям».

Кстати, и после победы Миттерана, он, оказавшись в Париже, вошел в контакт с личным представителем президента, написал в Москву (минуя посла Червоненко по резидентской связи) «сорок бочек обнадеживающей информации», из которой следовало, что Миттеран чуть ли не садится в самолет на Москву, чтобы облобызаться с Брежневым.

Оказалось совсем наоборот. А когда в начале апреля, Миттеран выслал наших 47 работников из Франции, «Монд», между прочим, дала утечку о тайных связях Загладина в высших эшелонах французского государственного аппарата. Желтые же газеты намекали, что он, Загладин, назвал «представителю президента» нескольких наших сотрудников, «с которыми следовало иметь дело для прямой связи с Москвой» и которые теперь оказались в числе высланных.

И опять же о ... Загладине. На днях Б.Н., как всегда в деликатных случаях, выйдя из-за своего стола на середину кабинета, сообщил мне следующее. В беседе Хонеккера с Андроповым (во время официального визита немца в начале мая) наш Генсек будто невзначай спросил:

- А как там наш посол у вас поживает (Абрасимов).
- Не знаю, как он поживает, наверно, неплохо.
- А может быть уже долго он там у вас, может быть пора бы и домой?
- Что ж, я бы не стал возражать, - отвечивал Эрик.

Андропов рассказал об этом Пономареву.

- А кого взамен? Семенова (посол в ФРГ)? Но вроде он на месте. Да и зачем из Германии в Германию.

- Найти можно, дайте подумать, - ответил Б.Н.

- А я уже подумал: Замятина

- Захочет ли? Ведь он метил высоко, рассчитывая стать Секретарем ЦК при Леониде Ильиче и не без оснований, - якобы сказал Б.Н.

- Ну, он теперь притих. Впрочем, я уже с ним поговорил. Он согласен.

- Вот как?

- Но вопрос – кого на его место (т.е. на место зав. отделом международной информации ЦК), как ты насчет своего первого зама думаешь?

Б.Н. будто бы попросил время на размышление. При мне стал размышлять. Я высказал предположение, что Загладин, конечно, согласится.

- Согласится-то согласится, да стоит ли его туда пускать. Ведь при его бесцеремонности он каждый день будет лезть в наши дела, а то и совсем их перетянет на себя.

Я был обескуражен таким жалким аргументом в устах Секретаря ЦК и не нашелся, чем ответить. Он попросил меня подумать и назвать к утру несколько фамилий.

Утром я послал ему записку, в которой назвал кандидатов: Блатов, Добрынин, Яковлев (посол в Канаде), Шишлин, Григорьев (зам. в «Правде»), Красиков (зам. в ТАСС).

Но в душе я убежден, что будет Загладин.

Б.Н. у дали несколько щелчков. Он рассчитывал быть докладчиком на торжественном заседании по поводу 80-летия КПСС. Назначили Зимянина. Он был уверен, что ему разрешат выступить в журнале «Проблемы мира и социализма» со статьей на эту тему. Журнал прислал в ЦК просьбу, чтоб именно он был автором – с обоснованием: крупнейший ученый по истории КПСС, видный деятель международного комдвижения. Статья нужна именно в аспекте МКД и еще что-то. А поручили (в ответ на эту просьбу журнала, которая прошла через руки самого Пономарева и он сам велел ее послать Горбачеву, который сейчас уже месяц заменяет больного Черненко в качестве ведущего Секретариат) - явно с ведома Андропова – Капитонову!

Б.Н. готовится выступить на Пленуме. Я ему уже два варианта сочинил. Ученых собирал: двух из Института философии, двух из Международной Ленинской Школы. Хотя очевидно, что их философские, ученые рулады ни для какого Пленума не подойдут, никому не нужны, и их придется, как и 95 % из этого жанра за многие годы, выбросить в корзину. Да и текст-то не более, чем на 7-8 страницах! Какая уж тут философия! Но Б.Н. в своем стиле: нас

он, за исключением Меньшикова, не считает способными на что-то интересное, хотя и пользуется именно нашими мозгами и именно нашим пером уже около 20 лет. Никакая болтовня ученых, которым он каждый раз дает заказы перед каждым мероприятием, не может его убедить в том, что они не способны написать то, что нужно.

Его природное бесстыдство, к которому приплюсован выработанный за всю его долгую политическую жизнь лакейский цинизм, не имеет пределов. Тут посылает мне записку, подписанную новым зав. Отделом пропаганды Стукалиным. Донос на Ненашева, главного редактора «Советской России». Две его статьи – от 27 апреля и имеющая быть напечатанной – о состоянии идеологической работы – осуждаются как претенциозные и огульно критикующие, и, конечно, как всегда в таких случаях, путанные. Прочел я записку и возмутился до глубины души. В самом деле: Ненашев за год-полтора сумел превратить «Советскую Россию» в самую интересную и самую читаемую из всех центральных газет – острую, смелую, откровенную, грамотную публицистически, свежую по постановке проблем, по охвату вопросов, по глубине и честности подхода ко всем нашим делам. И вот – пожалуйста! Опять: шаг вперед – два шага назад. Статьи и по духу и по исполнению, по обоснованности фактами – полностью соответствует тому, что говорилось на XXVI съезде. Но мы уже пугаемся своей довольно робкой смелости в реализации собственных решений. Синдром XX съезда и его последствий!

И, конечно, честь мундира у Отдела пропаганды! Как это так: кто такой Ненашев, чтобы так судить о всей идеологической работе!! (Между прочим, «Советская Россия» - орган ЦК). Возмутившись, я пошел к Пономареву (хотя мне он послал эту записку явно в назидание, поскольку я ему готовлю выступление на идеологическом Пленуме). На записке уже стоят подписи согласия всех Секретарей ЦК, включая самого Пономарева. Произношу страстную речь. Он лениво отнекивается. Я, говорит, и не прочитал этих статей...

- Как же вы подписываете? Это же принципиальнейшее дело. Это же фактически отказ от установки съезда. Какой же редактор позволит себе минимальную смелость и честность, если позволителен подобный метод. И посмотрите, какую унижительную форму наказания придумали: кто-то из Отдела пропаганды является на заседание редколлегии и в присутствии всех хлещет по щекам главного редактора! У меня такое ощущение, что кто-то вознамерился просто «съесть» Ненашева, поэтому и придумал эту явную липу.

Разговор кончился ничем. Но сам Б.Н., который «не читал», однако уже вычеркнул Ненашева из числа редакторов, которых я рекомендовал ознакомить с нашей запиской по МКД, после того, как по ней будет принято решение. Вот она, духовная бериевщина-то, от которой нет нам, оказывается, спасения.

Встретил Ненашева на лестнице по пути на заседание Секретариата. Спрашиваю:

- Михаил Федорович, что они к тебе прие...ются?
- А х... с ними. Противно!

Посол Яковлев был в Москве в связи с предстоящим визитом Горбачева в Канаду. Поболтали. Все, говорит, пытаюсь вычислить, за что меня гонят. Теперь вот уже и Голикова прогнали на пенсию, и Трапезникова вот-вот прогонят. Сам Горбачев мне, мол, сказал, что – вопрос дней. А ведь именно по их доносу Брежневу меня сняли с Отдела пропаганды и отправили в дипломатическую ссылку. Но... вот представили руководить АПН (Агентство печати «Новости», вместо Толкунова, переведенного опять в «Известия»). И говорят, что несколько секретарей уже поставили подписи. А вот бумагу мою к Андропову завернули без всяких объяснений. (Кстати, еще до этого разговора Б.Н. пытался мне «разъяснить», что так и надо, раз там (!) что-то имеют в отношении Яковлева).

Вот, говорит, и думаю я, что же «имеют». Вспомнил об эпизоде лет 6-7 назад. На приеме в португальском посольстве, в Оттаве, подошел к нему зам. МИД Канады (выходец из России) и как бы между прочим за стаканом виски сказал: «Почему бы вам мистер Яковлев не заменить 11 ваших работников на 11 дипломатов?»

Я, говорит, сразу усёк в чем дело. Резиденту сообщил и доложил «по инстанции» - Громыко. Прошло три месяца – никакой реакции из Москвы. И вот вызывают меня в канадский МИД и кладут досье на 11 человек – все грубо засыпались, крыть нечем. Через 48 часов «чтоб их не было на территории Канады». Досье это опять доложил «по инстанции» - Громыко, а надо было бы, видимо, - в другую контору. Вот мне и припомнили.

Очень может быть, что так.

Упорно все говорят, что Щелокова, бывшего министра внутренних дел, исключили из ЦК, из партии и отдают под суд. Не знаю... Б.Н., правда, мне рассказывал, что дело его слушалось на ПБ. Докладывал Густов (зам. Пельше). И мнение такое, что он заслуживает очень серьезного наказания, но, мол, неловко перед народом и за границей: все знают, кто его привез, кто его обласкал, кто его прикрывал... Из фактов Б.Н. поделился только одним: в МИД образован был кооператив, где особо приближенным распродавали по дешевке ценности, отобраанные у уголовников.

Пока, впрочем, точно известно, что со стрелочником расправились: бывшего зама Щелокова лишили генеральского звания, исключили из партии и отдали под суд.

Знаю я также, что слушалось на ПБ и дело Медунова (первый секретарь Краснодарского обкома КПСС). Что решили – не знаю. Все станет ясно на Пленуме.

Ивашова (профессор, филолог) подарила свою книгу «Эпистолярные диалоги». Об английской современной литературе. Десятки, оказывается, выдающихся имен. А я знаю двух-трех. А я ведь из числа читающей публики, интеллигент. Для кого же существует литература? Для кого обобщают жизненные процессы, мучаются за прошлое и будущее, хотят чему-то научить, в чем-то предостеречь, да просто проинформировать, как живут другие люди? Для таких, как Ивашова – профессионалов.

И потом, какое мы имеем право обижаться, что на Западе не знают нашей современной литературы, если мы, самая читающая в мире нация, не знаем, что пишут наследники Шекспира, Диккенса, Голсуорси и т.д.

15 мая 83 г.

В связи со статьей Косолапова в «Коммунисте», очень ловкой, но может быть и полезной, снял с полки Ленина. И вновь, как в Горках зимой, когда работали над докладом о Марксе, и когда пришлось много его читать, убедился: нужно опять перечитывать классиков, чтоб быть на уровне времени. «Новое прочтение» Маркса-Энгельса-Ленина, за которое Трапезников съел Гефтера лет 10 назад, - это единственная жизненная перспектива и у нас, и повсюду. Не говоря уже о тренировке способности к мышлению, политическому, не говоря также о нравственной смелости мысли, которой следует (и только у них) учиться, да и подкрепляться на случай, если будут посягать на твой партбилет за «инакомыслие».

Вот простая штука: «Под чужим флагом» Ленина. 1914 год, том 26. Вещь, изучавшаяся в студенчестве, в аспирантуре, в бытность преподавателем в МГУ, потом несколько раз к ней обращался. А сейчас она вновь читается как актуальнейшая и умнейшая, вдохновляющая, притом полностью забытая (даже в прежнем своем освоении).

Звонили с работы – досадная недоделка в записке по МКД, которая в пятницу была разослана по Секретариату – забыли про японскую компартию среди оппортунистических. Б.Н. ночью об этом вспомнил, с утра вызвал Балмашнова на ковер и потом Жилина, так как меня не было.

Недоделка моя состоит и в том, что я не показал предварительно проект этой записки всем замам, а это ведь общеотдельский вопрос.

22 мая 83 г.

На неделе главное событие – обсуждение на Секретариате нашей записки о состоянии МКД. Необычное: всех удалили, остались, кроме Секретарей, я, Рахманин, Замятин, Стукалин и Лукьянов, Боголюбов.

Вел Черненко после полутора месячного перерыва. Б.Н. у дали слово. Помимо наших, подготовленных для этой цели двух страниц, он нес минут 20 бодягу на своем косноязычном наречии. «Ставил задачи», явно взяв из какого-то своего старого публичного доклада нудное «учение» об МКД (как потом выяснилось, помощник Вершинин ему извлек этот текст). Звучало очень смешно и неуместно: секретарям ЦК читал вульгарную лекцию. Мне было очень стыдно: кое-кто поглядывал в мою сторону, полагая, что это «моя работа».

И по содержанию, и политически была белиберда: вспомнил Листера (республиканский генерал в Испании 1936-38 гг.), причем дал ему оценку совсем не ту, какая у нас официально утвердилась лет 10 назад. Чувствовалось, что он «пригибается», подлаживается под уровень понимания «своих коллег», которых он считает полными профанами в своем деле и способными мыслить только категориями (в отношении лидеров КП) - «наш человек», «не наш человек».

Но он явно недооценил «своих коллег». Кое-что они знают, и у них, как оказалось, из выступлений и замечаний, есть собственное мнение, кстати, более объективное и реалистическое, чем хотел представить Пономарев в своем докладе и чем это изображено (под его давлением) в записке.

Все отметили важность проблемы. Все обратили внимание на то, что ЦК не имел такой широкой панорамы больше 10 лет (фактически со времен Совещания 1969 года). Отрывочная же информация и частные решения по тем или иным партиям (делегации на съезды, приветствия, встречи здесь с приезжающими, шифровки послгов) – не дают цельной картины и за множеством повседневных дел у каждого, далекого от МКД, забываются.

Однако! Анализ, данный в записке, призван завышенным. Долгих сказал: «слишком оптимистические». Капитонов присоединился к этому термину (хотя, помнится, когда мы с ним ездили на съезд Швейцарской компартии в 1980 году, он решительно воспротивился моей попытке сообщить в Москву действительно реалистический анализ). И это правильно!

Думаю, что в таком подходе оказался общий дух андроповской эры (реализм и правда), но также и все более критическое отношение к Пономареву. Он и тут выглядел жалко в своих попытках примитивизировать ситуацию, увести от серьезных выводов, помешать посмотреть фактам в лицо.

Да и вообще глядят они на него (хотя и с внешним почтением к сединам), как на анахронизм, иронически – к его потугам изображать из себя теоретика, крупного деятеля, пренебрежительно к его тщеславной активности и стремлению лезть на каждую трибуну, по каждому юбилею, то и дело соваться со своими дидактическими статьями и дешевой пропагандой в большую политику.

Дали две недели на доработку, причем сделать надо не только обновленную записку, но и развернутое постановление Политбюро об МКД. И опять же щелчок по носу (Б.Н. сам это фигурально показал пальцами, когда я ему рассказал какое именно решение Секретариата было выпущено) – а именно: поручить Пономареву, Зимянину, Русакову, Замятину и Стукалину отработать в соответствии с обсуждением.

То есть выражено косвенное недоверие в состоятельности Б.Н. дать для ПБ «соответствующий» проект.

По этому поводу он опять стал ворчать на меня: не надо было ввязываться в это дело, предлагать в план Секретариата этот вопрос. По принципу, значит: лежит говно и пусть, не трогай, тронешь – завоняет!

Ничего его не заботит, лишь бы досидеть в кресле и удовлетворять по возможности свое старческое тщеславие.

Кстати, в пятницу состоялся отвратительный разговор «в этом разрезе».

- Вы, говорит, слышали, что решено не мне выступать на 80-летию КПСС, и даже статью в ПМС (чисто наше дело - международная роль нашей партии, наш журнал, наша проблема, просьба редакции, чтобы именно я был автором) поручили Капитонову.

- Знаю, слышал.

- Так что вы думаете, - примириться или попробовать что-нибудь.

Пожимаю плечами.

- А вы не могли бы поговорить с Александровым? Так, невзначай, не специально, и не здесь, конечно, в ЦК, и не по телефону. На даче, например, в воскресенье.

- Но ведь я живу в другом дачном поселке, в Успенке, а он в Усово.

- Разве? – притворяется он.

- Но кто из наших там живет. А! Брутенц.

- Я могу его попросить...

- Сделайте. Но предупредите, чтоб осторожно, ненароком будто. А то ведь, смотрите, - 20 лет студенты учатся по моему учебнику (История КПСС). Это больше «Краткого курса», хотя за ним вон какая фигура, да и тот просуществовал 15 лет. А мой – 20 лет! Пятьдесят лет я занимаюсь идеологической работой.

Ну, и т.д. в том же отвратительно недостойном духе. И это – Секретарь ЦК, представитель руководства великой партии!

На утро в субботу я позвонил Брутенцу и передал ему эту «просьбу».

Второе событие недели – 60-летие Арбатова. Дали ему второй орден Ленина. Затеял он большой прием по этому случаю в СЭВе (излюбленное место таких мероприятий). Я издевался над ним, высмеивал, зная, что все равно состоится. И состоялось. Организовал ему адрес от Международного отдела и зачитал. Пришлось, кстати, выступать первому. Так как после неоднократной пошлой клоунады тамады академика Примакова никто в течение 40 минут не решался (или не хотел тратить трезвых пока нервов) брать слово. А мне надо было торопиться.

Гост Бовина с пудом соли и проч. Вновь он меня удивил вульгарностью, стремлением подтвердить свое реноме «свободного ума», который ничего не боится, несмотря на то, что находится в орбите высочайшего начальства. А получается наоборот: дешевое политическое хулиганство, которое воспринимается не как «несмотря», а как раз «потому» (что под крылышком такого начальства и все позволено). Гадит в собственное корыто, от которого кормится.

Я потом ушел. Но Сашка Берков рассказал, что было после меня. Наш истеблишмент (академическо-мидовско-журналистский с вкраплениями из аппарата ЦК) выглядел пошло, ничтожно, самовлюбленно, трусливо и нахально. Отвратительное лицо нашего высшего света. Впрочем, партийно-ЦК'овский элемент был наиболее скромн и сдержан. И после моего «серьезного» устно-письменного тоста никто из цеховских микрофон не рвал.

Словом, недостойно все это и для самого юбиляра, у которого, вопреки его еврейской привязанности к дому и к славе, налицо явное чувство долга и страсть работать для дела (для себя лишь попутно).

26 мая 83 г.

Исполнилось 62 года. Очень много. Много жизней уложилось в эти 62 года. Вчера были приятные мне люди с работы.

Сегодня прочел сорок пять страниц доклада Черненко для Пленума. Полное разочарование. Мелочевка. Все там есть помаленьку. Всех похвалил и пожурил. И, оказывается, речь уже не идет о коренной перестройке идеологической работы, как было записано в специальном постановлении ЦК 1979 года, а всего лишь об «улучшении».

Словом, эра еще не началась, как следует, еще серьезного шага вперед не сделали, а уже готовимся к двум шагам назад. Из доклада совсем не видно, что идеологическая ситуация (если ее брать всерьез, по-ленински) в обществе аховая. Доклад охранительный, а не

новаторский. То и дело встречается слово «преемственность»... Преемственность с чем? С кем? – Со Щелоковым, Трапезниковым, Голиковым, семьей Брежнева, Медуновым?

Правда, читал я и разосланное неделю назад заключительное слово Андропова для этого Пленума. Оно много серьезнее. Но оно, собственно, не об идеологии, а о политике и образе жизни.

27 мая 83 г.

Мой фронтовой друг Колька Варламов, когда мы с ним отмечали день Победы, рассказал под страшным секретом, что его новый зять, преуспевающий молодой врач, сколько-то раз в неделю бывает вызываем к Андропову полностью обновлять кровь: у него совсем не работают почки. Ты, говорит, видел, как он подписывается? Действительно, потом обратил внимание. Это вот такая кривая линия, хуже только.

Закончил сегодня обновленный вариант записки и проект постановления ЦК по МКД. Согласовал с другими отделами. Боголюбов позвонил: Андропов, мол, считает это очень важным вопросом, «обсудили на ПБ»...

А Пономарев до сих пор боится этого вопроса. До сих пор не решил, говорить ему на Пленуме, если дадут слово, об МКД или о пьянстве, или о «долге ученых» за НТР. По моему уже полный распад в нем общественно-нравственного импульса.

Читаю еще одну книгу Эйдельмана «Большой Жанно» (о Пушкине). И опять восторгаюсь его умением без всякого подтекста писать исторические вещи фактически про нас, про современность.

Загладина до сих пор нет. Бумажный поток с утра до 7-9 вечера сокрушает мою нервную систему.

У Межирова сегодня прочел... Я тоже старше своих коллег всего на 5-7 лет, в том числе и Загладина – но старше на целую Отечественную войну. Но не умею я за это смотреть на них свысока, хотя стоило бы... для большего собственного спокойствия. А Пономарева-то я вообще имею право просто презирать, а я почти четверть века обслуживаю его.

5 июня 83 г.

У меня неделя прошла в мелких стычках с Пономаревым, который явно суетится и стареет... Никак он не подладится под новое начальство. А его все отодвигают и, думаю, Пленум для него будет не из приятных. Хотя он все еще тешится обещанием, что ему дадут слово: замучил нас подготовкой своей речи. Все выдвигает идеи до неприличия примитивные. А мы стараемся... Но уже нет и у нас прежнего запала – сказать его устами что-то значительное. Никто его уже слушать не хочет и не будет.

6 июня 83 г.

Сегодня новое столкновение с Пономаревым. В пятницу мы сдали ему один вариант его выступления на Пленуме. Он позвал меня с утра и встретил возгласом: «Караул!» В том смысле, что совсем не годится. Я озлился и стал нагло спрашивать, что он, собственно, хочет конкретно. Он опять понес претенциозную ахиною. Я возразил: это есть у Черненко в докладе и у Андропова в заключительном слове. Повторять доклад вам не к лицу, а предвосхищать Генсека – скандал, потому что всему руководству известно, что вы, как и они в целом, знали содержание заключительного слова за месяц до Пленума.

Из длинного препирательства я стал догадываться, что он просто хочет выглядеть большим ученым, «теоретиком нашей партии». Дело его, как всегда, не интересует, а лишь то, как он будет выглядеть. Но вот кем он хочет выглядеть, я до сих пор не секу. От 80-летия партии его отставили, значит долой даже намек на это. От внешней политики его отодвигают и он уже утратил интерес к «крестовому походу». Но вот почему он упорно, как и при

подготовке записки в ЦК о положении в МКД, уходит от этой темы, мне совершенно не понятно. Не хочет себя идентифицировать с комдвижением? ... Поскольку там ничего хорошего и полезного для нас нет? Возможно. Но ведь вся партия и ЦК его идентифицируют с МКД! С этим он должен считаться. Существуют ведь правила игры. Он не имеет права выступать с содокладом и, как принято, должен говорить «о себе». Но вот – не хочет! А хочет озадачивать ученых, говорить о роли науки и теории и выдвигать проблемы для теоретических исследований. Какие?! Я опять же нагло стал приставать, но ни одной он не назвал, а все мыслимые – есть у Черненко и Андропова.

Я дважды ему заявлял, что, значит, не способен, и Козлов, и Вебер не способны. Пусть назначает другую команду. Я, мол, вас не понимаю.

- Я вижу, что не понимаете, - отвечивал он. Но вызова не принял. Все сокрушался, что потерял время и не засадил на дачу команду заранее, как было с докладом о Марксе... Тогда вот получилось красиво.

По капитализму он пытался называть проблемы. Например, дать ответ миллионам людей во всем мире – каковы причины кризиса. Я в ответ: десятки книг и сотни статей, в том числе в журнале любимого вами Хавинсона, дали и дают этот ответ на уровне современной науки. Если мы (!) их не читаем, это – наша проблема, а не науки. А то, что за границей их не читают, это проблема денег и пропагандистских кадров, об этом-то и говорить на таком политическом форуме, как Пленум. Но он не пробиваем. Он невежественен и в науке, и в теории, и даже в своей истории партии. Прислал мне такую записку – набросок мысли о внесении сознания в рабочее движение - за это и первокласснику больше двойки не поставишь.

Все это я о себе – в какой унижительной роли я пребываю, стараясь изо всех сил одеть голого, совершенно голого короля.

6 сентября 83 г.

Полная душевная растерянность. Рядом с событиями переломными, но «благодаря» Пономареву, суэта возле них.

1 сентября сбили южно-корейский самолет «Боинг-747» с 269 пассажирами на борту над Сахалином. Во имя принципа нерушимости границ. Из сотен всяких сведений, в ворохе которых я копошусь который уж день, ясно, что американцы подстроили нам провокацию. Трагедия же в том, что мы ей поддались.

И Рейган учинил такую антисоветскую катавасию во всем мире, что теперь уже ничто и надолго не смоет с нас в глазах обывателей всего мира (а их миллиарды) клейма убийц безвинных людей. Десятки правительств, парламентов, всяких прочих организаций и деятелей, включая социал-демократов и даже уже некоторых КП (например, КПЯ), вынесли нас за скобки цивилизованного мира. Рейганом брошен и подхвачен тысячами газет и прочих голосов лозунг: «Мы и они!» Т.е. весь мир и СССР. (Кстати, соцстраны, кроме ЧССР, помалкивают до сих пор. А Китай осудил нас на уровне Рейгана).

Моральному престижу страны, идее коммунизма нанесен еще один страшный удар. И все теперь смотрится иначе – все наши международные дела. Уходить нам надо в глухую изоляцию, отгородиться от мира, не тратить ни ума, ни денег на, так называемые, международные связи и престиж, замкнуться и заняться собой. И лет за пять-десять создать себе новый облик, внутренне перестроившись и действительно обновившись.

Вот готовится новая «редакция» Программы партии и заложить бы туда совершенно новую концепцию своего положения в мире... Утопия! Но где другой выход?

И какой-то рок настигает наших вождей: Сталин – 1937, Хрущев – 1956, Брежнев – 1968 и 1979, Андропов – не успев развернуться, теперь навсегда будет связан с этим злосчастным самолетом. Увы! Я не знаю: может быть, мы его и не сбивали. Но теперь ничего уже не докажешь. Вели и ведем мы себя во всей этой истории глупо, непоследовательно,

беспомощно. И в этом эпизоде со всей чудовищной очевидностью проявилось давление и власть «военного комплекса» над всей нашей жизнью и политикой.

Я очень небрежен к дневнику. А между тем каждый день дает материал чуть ли не для истории. Хотел вот сразу записать, что было на Политбюро 25августа, но не сподобился, а теперь уже остались отрывки. Но все же:

Сама атмосфера... небывалая. Споры, сопоставление позиции, размышления вслух, несогласие и даже отказ от принятия решения, поскольку до конца не сумели договориться. И все – по-товарищески, без выпадов, как нормальная практика. Тон, конечно, задают Андропов и Горбачев, но в дискуссию не боятся втягиваться даже и приглашенные.

Андропов очень откровенен и не стесняется подвергать сомнению «святыни». Например, обсуждался вопрос о ценах (и дотациях) на сельско-хозяйственные продукты, которые нам поставляет Болгария. Ясно было, что «другари» нас все нахальнее обдирают: лучшие, дефицитные сорта вообще перестали поставлять (гонят за валюту на запад), обычные – с опозданием, некондиционные и проч... по ценам – выше мировых. Но при этом еще требуют сохранения ежегодной дотации (400.000.000 рублей) за просто так. (В 1978 году они получили этот подарок якобы для развития сельско-хозяйственной инфраструктуры, но с тех пор ни одного рубля из этих дотаций не пустили на развитие сельского хозяйства, т.е., в частности, и для расширения экспорта к нам!). Так вот, встал вопрос, чтобы отменить хотя бы эту дотацию – ежегодный подарок.

Ю.В. выступил против. И сказал при этом: каждый член ПБ при рассмотрении любого вопроса должен помнить о состоянии коммунистического движения. Смотрите, что происходит: китайцы успешно вовлекают в свою орбиту разные компартии, свою линию на изоляцию КПСС они проводят ловко, умно. И нельзя им помогать вот такими действиями, как здесь предлагают. Посмотрите: Кубе не дали все то по военной линии, что она просила, - и отношения попортились. Хонеккер приехал – просил, не дали всего, - тоже наступило охлаждение. Поляки просят бог знает сколько, - всего дать не можем, опять жди охлаждения. Теперь вот с болгарями.

И вообще: поругаться можно за пять минут, а восстанавливать отношения приходится десятилетиями. Возьмите Китай. Поругались 20 лет назад. Причем партия нас целиком поддержала, китайцев осудили и т.п. А теперь вот, по прошествии двух с лишним десятилетий, смотришь на те события и думаешь: а зачем, собственно? Кому это было нужно? Из-за чего, собственно, спор-то вышел? И не находишь ничего серьезного, чтобы оправдать нашу позицию.

10 сентября 83 г.

С самолетом признали, что сбили и все стало обычным, как и все остальное в современном ужасном и равнодушном мире.

Только что прочел в «Литературке» статью В. Куприянова о нынешней молодой поэзии. И поразился, что и такое теперь печатается (в смысле стихов) в советских издательствах.

Сборник 1981 года «Молодые голоса». Там есть, оказывается, такое из И. Жданова: «Отечество – ночь и застолье, а все остальное чужбина. Мы верные граждане ночи, достойные выключить свет». Или – Олег Хлебников: «А что до счастья и до величья – ах, среди людей изволь блюсти приличья, а не порхать с печатью на челе!»

И большое стихотворение Андрея Дмитриева «Дом».

12 сентября 83 г.

Сегодня прочел стенограмму встречи Громыко с Шульцем в Мадриде. Это, что называется, слепок времени. Шульц попросил сначала с глазу на глаз. Для чего же? – Чтоб

поговорить о Щаранском. (Это в такой-то момент!) Мол, ваш представитель здесь в Мадриде обещал нашему, что Щаранского выпустят по истечении половинного срока, т.е. в сентябре или в феврале. Только, дескать, при этом условии Рейган согласится на подписание заключительного документа мадридской встречи.

Громыко в ответ: Ваш представитель либо ослышался, либо что-то еще. Никаких обещаний мы не давали, со Щаранским все ясно... Мы вам не раз объясняли: это не ваше дело. И больше на эту тему я разговаривать не буду, прошу больше ее не поднимать.

Шульц... туда-сюда, как же так... вы отказываетесь от слова. Если Щаранский умрет в тюрьме – это катастрофа для советско-американских отношений и т.п.

Громыко: я вам сказал, что обсуждать эту тему не буду. Если у вас не о чем больше разговаривать, давайте разойдемся.

Шульц выразил всякие возмущения и заговорил о самолете.

Громыко его прервал: Начинать я беседу с вами с самолета не буду. У нас с вами проблемы, которые касаются жизни всего человечества. И я согласился на встречу с вами ради этого. О самолете у меня тоже есть что сказать. Но первым я этот вопрос обсуждать отказываюсь.

На этом *tete-à-tete* закончилось и они вышли к советникам. В присутствии уже почти дюжины людей Шульц начал с самолета. Громыко опять его прервал. После довольно неприличной для такого уровня перепалки и препирательств Шульц был вынужден выслушать довольно длинное заявление Громыко о ракетах, т.е. о том, что «затрагивает судьбы человечества», а говоря *à la* Иван Грозный, - о наших «государевых делах».

Шульц пытался вывернуть эту тему, сказав о важности ее с точки зрения прав человека на жизнь – и опять пошел о самолете, о 269 жизнях, там погибших, о том, что для советской системы жизнь человеческая – ничто.

Громыко на этот раз выслушал, а потом дал отповедь, обвинив, как и полагается, США целиком и полностью в гибели самолета и закончил тем, что он отвергает все просьбы и претензии (материальная компенсация родственникам, допуск их к месту гибели, извинения, обещания, что «такого не повторится»). И в весьма грубой форме заявил: пусть это делает тот, кто виноват.

Шульц опять ерзал: он не понимает, он возмущен, у него нет слов и т.д. В конце концов он заявил, что «исчерпал себя». На этом «беседа» кончилась. Подобная запись, скажем, для эпохи князя Горчакова и Бисмарка – любопытный документ о дипломатических нравах.

Для 30-х годов нашего века – *casus belli*. Для нас... Что для нас?

Не война, но и свидетельство того, что этот огромный, насыщенный фантастическими достижениями человеческого ума и труда мир, может стать за несколько минут жертвой срыва нервов у одного из двух лидеров «сверхдержав». Добрынин уже докладывает в шифровках: Рейган был взбешен, когда ему Шульц рассказал, как было дело.

Еще бы! Ему невозмутимо было заявлено, что мы клали с присыпкой на все их «возмущения», на все их угрозы с невероятными сотрясениями воздуха, на всю их национальную и общемировую истерию против нас. При этом спокойно напомнили, что, как еще признали Никсон с Брежневым, «мы можем друг друга уничтожить 7 раз (а теперь, мол, 12 и больше раз)». И при этом не содрогаясь и не впадаем в панику.

В самом деле – идешь по улице, встречаешь сотни и тысячи людей и, могу побиться об заклад, что никто из них в течение суток, тех, данных суток, когда Громыко беседовал с Шульцем, ни разу не подумал, что завтра его и всего окружающего может уже не быть. Наши люди так уж устроены, так приучены, что не верят в ядерную гибель, не верят, что война будет и не думают о ней, а протестуют – только с трибуны по просьбе профкома или парткома.

Сегодня сочинил (а Загладин потом усовершенствовал) материал к беседе Андропова с Живковым по вопросам комдвижения. Сформулировали совсем новую, современную концепцию нашей политики в МКД, впрочем, опирающуюся на слова, намеки, «на дух»

заявлений самого Андропова, сделанных как на Пленуме, так и на Политбюро, и в беседе с Куньялом. Это совершенно неприемлемая позиция для Пономарева. Но мы ему на этой основе подготовили речь на закрытом заседании секретарей ЦК соцстран 20 сентября, когда «сегодняшний воробей» уже улетит на Юг, в руки Ю.В., хотя Живкову он это будет говорить (если согласится) спустя месяц после Пономарева.

Попробуем так делать политику. Получится ли?

16 сентября 83 г.

Опять заболел. Сiju второй день дома. Температура при больном сердце – это плохое дело. Не хочется ни стареть, ни поддаваться немощи.

На Политбюро, которое вел Черненко – ничего особенного. Итоги Громыко в Мадриде и во Франции. Рассказывал, как было дело, но стенограмма ярче передала.

Миттеран поразил меня преамбульной речью с Громыко: разливался в дружбе и любви к России и т.п. Но ракеты, мол, наши не задевайте. Громыко держался с ним вежливее, чем с Шульцем, однако сказал ему все и про Чад и про ракеты. Встречи нашего МИДа оценены как достойные. (Только сегодня я узнал по телефону, что в Нью-Йорк на ООН Громыко не поедет, хотя вчера об этом не было ни слова. И правильно: по самолету мы там дивидендов не соберем, а выслушивать публичные оскорбления!... - сам Рейган собирается там выступать, - нам не по рангу).

И вообще поменьше, поменьше обращать внимание на то, что о нас думают и говорят. Со времен Хрущева мы приучили западников рассматривать себя, как партнеров, играющих и долженствующих играть по правилам. Но дело в том, что это ИХ правила. И мы никогда не сможем их «устроить», как бы мы ни ловчили и какими бы терпеливыми и благородными ни выглядели. Так вот, надо поменьше играть в их игры. Пусть мы по-прежнему будем для них загадкой. Больше чести будет. А для этого МИД надо свести к рангу, какой он занимал при Чичерине и Литвинове: не на уровне ПБ. Между прочим, ни в одной соцстране, кажется, министр иностранных дел не входит в Политбюро.

Спустя много лет перечитываю «Крейцерову сонату». Физиологически все осталось также в этой «проблеме». Социально – изменилось колоссально. Эта сторона проблемы, как ее подавал Толстой, кажется, сейчас и смешной, и примитивной, нелепой.

Некоторое время назад мне позвонили с истфака: мол, второе издание идет «МГУ в войне», сообщите данные о вас. (в первом издании меня не обозначили, хотя я не на дальнем Востоке, и не только учился, но и преподавал в МГУ). Почему-то я заволновался. Написал три страницы, как воевал. Повез и все волновался. Разочарование наступило, когда я нашел в дальнем конце коридора 504 комнату с двумя убогими женщинами (одна показалась знакомой, но сильно увяла) и жалкой «служебной» обстановкой плохо финансируемого учреждения. На нашем старом истфаке, на ул. Герцена, еще до войны все скрипело и разваливалось, но детали бывшего княжеского особняка с медной табличкой у входа «Просят снимать галоши» и другими признаками бывшего статуса, придавали этому истфаку академическо-музейное очарование. А это – обшарпанный за 15 лет сборно-бетонный корпус. Но не в этом дело. Дело в том, что этих женщин, как и редакцию сборника, я как таковой совсем не интересую. У них «поручение», служба. И никакого душевного контакта с моим истфакским прошлым не могло быть, я напрасно волновался. Просто еще один маленький урок одинокости людей и равнодушия «общественного» бытия. Ты, в общем, как и все остальные, никому не нужен, как индивидуальность, а лишь – как носитель чего-то в прошлом и настоящем, чего-то такого, что находится в поле зрения искусственно созданного или реального интереса каких-то групп людей или ведомств.

Вечером позвонил Жилин. Сообщил, что Пономарев разочарован текстом по комдвижению, который по моей схеме и моим пером был подготовлен ему для закрытой встречи секретарей ЦК соцстран. В чем дело? Текст был краток и выдержан в духе тех заявлений и высказываний, которые Андропов делал публично, а чаще на ПБ или по случаю, в

какой-либо связи. То есть реалистическая оценка, забота о единстве, а не об «идеологической» чистоте, - путем большего внимания к их специфическим условиям, к их внутренним задачам (а как они их собираются решать – их дело!), повышение теоретического авторитета КПСС и, конечно, наведение порядка у себя в стране, как решающий фактор влияния идей социализма в мире и нашего престижа в МКД.

Оказывается, все это совсем не то. Оказывается, надо взять его доклад перед секретарями парткомов посольств (в августе) и оттуда переписать – что в МКД все отлично, что оно на подъеме, что такие-то хорошие и очень хорошие партии вроде американской, германской, датской, прекрасно и успешно борются против капитализма и несут в массы «правду о реальном социализме», что есть, конечно, отдельные недостатки и проявление оппортунизма в отдельных партиях, но это пока что и вполне преодолимо, если мы все вместе займемся этим.

И вот эту бодягу он будет читать Биляку, Аксену, Овари и другим членам Политбюро и секретарям ЦК соцстран в закрытом, т.е. доверительном порядке. Но эти люди знают ведь действительное положение дел. На уровне замов и завов отделов ЦК компартий соцсодружества (и немцы, и венгры, и даже болгары) давно нам говорят, что на подобных встречах мы «приукрашиваем» не известно для чего. А политически это называется – не доверяем, обманываем, бросаем песок в глаза своим самым верным друзьям. Зачем? Только для того, чтобы Пономарев не присутствовал при распаде своей империи (à la Черчилль) – т.е., чтобы коммунистическое движение выглядело так, как ему хотелось этого 50, 40, 25, 20 лет назад.

Но тут есть и другая опасность: наши друзья могут нас просто (в лучшем случае) считать за дураков, не способных понять, что на самом деле происходит в МКД, и несут ерунду, выдавая это за политику, которую, однако, невозможно координировать, потому что она не имеет никакого отношения к действительности. Нам, замам, консультантам который уже раз стыдно перед своими коллегами из Международных отделов братских партий. Но они, вместе с тем, зная нас лично по 10-20 лет, знают, что мы не кретины. Значит, «концепция», которую им излагает Пономарев, - это позиция ЦК КПСС. Т.е. бери выше, кретинизм относится на счет нашей партии.

Наконец, Б.Н. настолько уже в маразме, что он не чувствует опасности для себя лично. Ведь тот же Биляк или Аксен могут, в конце концов, пойти к своим генеральным, а то и к нашему и заявить: на черта нам нужна такая координация, построенная на иллюзиях и на самообмане!?

Словом, Пономарев не только тормоз, но и опасность для нашей политики в комдвижении. Если бы его не было 20-10 лет назад, дела в комдвижении были бы лучше, естественнее. И я уж не говорю, что за полгода андроповской эры можно было бы кардинально изменить и нашу политику, и всю атмосферу в МКД.

Я ведь переживаю не потому, что он отверг мной сделанный текст, а потому, что он наносит вред делу. И я за то, чтобы его убрать, как пережившего себя дважды и трижды, - хотя я почти уверен, что мне лично было бы от этого хуже. Мне бы тоже вскоре пришлось бы уходить. Между прочим, скорее всего потому, что Черненко, а может быть, и Андропов считают, что я - главный автор тех бодяг, с которыми чаще, чем нужно, выступает Пономарев. Я действительно их пишу, потому что служба, но я их самый главный ненавистник и давно уже в Отделе этого не скрываю. Удивляюсь, как это не доходит до сих пор до самого Б.Н.

18 сентября 83 г.

Не перестаю переживать «феномен Пономарева». Впрочем, это естественно: в нем я финиширую свою общественную жизнь. Увы! Пенять, однако, можно только на себя.

100-летие Тургенева. Прочел статью о нем, именно такую хотелось прочитать. Хотя я его давно не читал, но поскольку с него я начал формироваться в то, чем я стал (на чердаках, на даче в Лайково, 12-летним до слез, до беспамятства зачитывался его романами), я хотел,

чтоб его «восстановили» в памяти, очистив от хрестоматийного глянца. И это вроде сделано по случаю 100-летия. («Москва» № 9).

20 сентября 83 г.

Не пошел на совещание секретарей ЦК соцстран на Ленинских горах. По предлогу, что - на бюллетене: болезнь еще не кончилась. На самом же деле потому, что противно было присутствовать на этой надоевшей комедии и вместе со всеми делать вид, что происходит что-то важное и серьезное. К тому же постыдное по отношению к друзьям. Они ведь каждый раз, прежде чем ехать на подобное совещание, всерьез рассматривают позиции своей делегации на Политбюро, и делегации эти облечены полномочиями что-то делать. А наша делегация, которую вот уже 10 лет возглавляет Пономарев, никакими полномочиями (даже пропагандистскими) не располагает. То, что он говорит, не несет даже сколь-нибудь стоящей информации: они не хуже его все это знают – и про ракеты, и про американский империализм, и о комдвижении. И никакой реальной координации и сотрудничества в политико-пропагандистской области мы им никогда не предлагали и не хотим ее. Пономарев же видит свою функцию, чтобы заполучить поддакивания и поставить галочку в свою пользу: внес вклад в укрепление единства соцсодружества.

Словом, не хотелось участвовать в этой стыдной суете.

Однако же, что-то поскрёбывает: вроде как уклонился от служебных обязанностей, хотя формально и являюсь больным.

Зато написал страниц десять «текста» о положении в МКД. Задумал (пока шел на работу), как «откровенную» записку для Пономарева, а потом увлекся, не заметил, как изменил стилистику и получилось что-то вроде тезисов для «теоретической конференции» в Отделе, на которой Рыкин давно уже побуждает меня сделать вступление. Посмотрю потом, куда употребить.

28 сентября 83 г.

Совсем потерял нить связи своего личного со службой – ходом мировых событий. И это, видно, потому, что этот ход реализуется во мне через Пономарева, который впал в маразм старческого тщеславия. «Сучит ногами», как выражается Брутенц, лишь бы фигурировать на виду у Андропова и Черненко, угождать и выглядеть нужным. Но этим только еще больше вызывает презрение и пренебрежение. Факты, знаменательные в аппарате, накапливаются на этот счет с каждой неделей.

Так вот, если еще и сохраняется во мне вера, что что-то можно сделать в МКД путного, то только потому, что его должны скоро прогнать. Через него, в его присутствии – ничего невозможно. Он продолжает украшать свою липу, которую он возделывал и холил всю свою политическую жизнь.

Загладин же совсем отпочковался от Отдела, видимо, думая так же, как и я. Но он тем временем набирает очки, как самостоятельная фигура, а заодно удовлетворяет свою страсть самовыражаться на ТВ, в докладах, в интервью, в беседах с делегациями или, как вчера, например, в 4-х часовом «вопросы-ответы» (84 штуки) в Ленинской школе. Впрочем, независимо от того, что это «вадимова болезнь», пользы от нее больше в тысячу раз, чем от пономаревского службизма и квази-сталинистской ортодоксии.

Сегодня составлял план работы с МКД в соответствии с решением ПБ от 13 июля. На 80 % - не реально, а то, что и будет сделано, не более, чем галочки мероприятий, ни на что они повлиять не в состоянии.

А Б.Н., прихватив Брутенца, помчался на Юг – присутствовать при беседе йеменского Мухаммеда с Андроповым. Брутенц мне рассказывал, как он нагло-унизительно напрашивался туда. Отвратительно все это не только само по себе, но и потому, что и мы, его замы и сподвижники, выглядим в глазах окружающих кретинами, ибо все понимают, что вся

его, так называемая, деятельность была бы невозможна без нас. Мы в глазах окружающих и причастных – органический элемент его пошлой суетни и претенциозности.

1 октября 83 г.

Андропов 27-го выступил с Заявлением по внешней политике. Это – крупнейшая акция, думаю, за многие годы. Потому что мы, наконец, решили продемонстрировать свое «классовое достоинство»: мол, подлаживаться под вас не будем, но и помыкать собой не позволим, а то и вовсе пошлем вас на х... Возможно, что это пока еще не очень осознаваемый шаг в нужном направлении, которого я давно жду – в сторону некоторого ограниченного изоляционизма. Россия всегда для них была загадкой, СССР – тем более, при Хрущеве и Брежневом мы в значительной степени растратили этот свой мощный внешнеполитический ресурс. Так вот, пора его восстанавливать.

А теперь о ЧП. В программе «Время» в текст этого Заявления Андропова попал какой-то нелепый кусок о маневрах армий социалистических стран..., совсем чуждый по языку и по теме тексту Заявления. Этот текст я днем еще видел по рассылке. И когда слушал диктора, начал таращить глаза. Потом решил, что в последний момент прошла «поправка», скорее всего от Устинова: кулак захотелось показать по откровеннее.

Но утром выяснилось, что это – «техническая» ошибка. Перепутали две телексы ленты и в Заявлении Генсека оказался врезанным абзац из статьи в «Красной звезде», не то «На страже Родины».

И это при том, что текст за семью печатями поступил к Лапину на ТВ еще в 9 утра, а в час он был записан диктором Кирилловым, т.е. до «Времени» еще была куча времени, чтобы прослушать и выверить. Но увы! Даже здесь головотяпство пустило глубокие корни.

Мне (нам – Отделу) вместе с Отделом пропаганды и Отделом внешнеполитической пропаганды (Замятина) Черненко поручил срочно разобраться и «внести предложения». Вызывали Лапина и Мамедова, вежливо судили, потом Стукалин ходил к Черненко. В результате подписали записку с выговором для «ответственного выпускающего» в этот день, а вслед за фамилией Лапина и Мамедова оставили прочерк: сам Секретариат назначит меру пресечения. Возможно и прогонят самого главного на ТВ прохвоста. Давно пора! Александров, его главный покровитель, теперь не в такой силе, чтобы защитить, если захотят убрать.

А как отреагировал «Запад» на это происшествие? Утром заходит Джавад: слушал, говорит, Би-Би-Си. Вот, говорит комментатор, - эти русские. Попробуй с ними иметь дело... У них всегда двойное дно. Для своих они дали вариант: что, мол, в случае чего так дадим по морде, да так, что не опомнишься. Будьте, мол, спокойны и уверены. А на Запад – смягченный вариант, для заполаскивания миролюбивым. Кулак там упрятан в приличную перчатку.

Джавад комментирует: всем этим кремленологам и в голову не может придти, что это просто российское разгильдяйство, а отнюдь не очередной хитроумный, заранее предусмотренный ход кремлевских правителей.

8 октября 83 г.

Загладин опять махнул в Париж. Миттеран попросил его тайно приехать (даже не прямо из Москвы), чтоб что-то «крайне важное» передать по верху.

Б.Н. недоволен мной, - почему я не выступил на Секретариате при обсуждении записок о 40-летию лейпцигского процесса и о сионизме. Мол, мы, наш Отдел в основном их готовил, а плоды пожинает опять Замятин, который, как всегда, вылезает по любому вопросу и болтает то, что в записках изложено подробнейшим образом и что секретари прекрасно знают. Именно поэтому я и не стал «вылезать», тем более, что ни тот, ни другой вопрос ни у кого не вызвал никаких сомнений.

А он все выступает. Каждую неделю где-нибудь делает доклад, готов на любую аудиторию. Болезнь какая-то. Вот затеял сейчас на ноябрьские дни собрать в Москве редакторов газет братских партий, чтоб «проинструктировать» их, как вести борьбу против Рейгана. (Сами они, конечно, этого не знают!) Я пытался отговорить. Дал справку: половина газет от европейских КП, в том числе от большинства стран НАТО, не придет, даже «Daily World» из США не будет, так как съезд компартии в это время. Т.е. не будет как раз тех, кого он хотел бы «воспитывать», потому что латиноамериканцы или какие-нибудь датчане и арабы и так целиком за нас. Но – тщетно. Его интересует не суть и не результаты. А то, что он пофигуряет на международной арене лишней раз.

Заставил неделю назад составить план выполнения решения Политбюро по МКД. Всех я свистел наверх. Составили. Представили. Он потерял к этому интерес.

Раньше он суетился возле Брежнева, стараясь все время быть на виду и быть замеченным по каждому поводу. Теперь он так же суетится возле Андропова и Черненко, опять же, чтоб показаться нужным. А они его все откровеннее третируют. И даже, кажется, не из личной неприязни к нему (впрочем, заслуженной), а просто потому, что у них – «более важные дела», чтоб обращать на Пономарева внимание, какого он добивается каждодневно с утра до вечера.

Позавчера прочитал речь Буша в Вене (после того, как он объехал Румынию, Венгрию, Югославию и где был, в общем-то, довольно подобострастно принят). Сколько презрения, отвращения, глухой ненависти к нам, к Советскому Союзу! И сколько тупого, не желающего ничего знать, невежества и пошлой (порой оскорбительной) демагогии в отношении нашего прошлого, нашей культуры, нашей роли в мировой истории! Бешенство берет.

Но что же это значит, если каждый позволяет себе громогласно, на весь мир так помыкать нами! Нет! «Изоляционизм», замыкание в себе, ответное презрение к ним, к этому дикому Западу, который сейчас стал почти всем миром за нашими границами! Только так!

Когда нас (устаами польского писателя) он называет дикой и примитивной страной, невозможно продолжать играть с ними в общую «мировую политику».

Вроде бы мы начинаем это понимать. Позавчерашнее заседание ПБ (по итогам откликов на Заявление Андропова) кажется тоже идет в том направлении. Но слишком уж огромен и влиятелен наш аппарат внешней политики и внешнеполитической пропаганды, чтобы он так просто отказался от своего «хлеба» – давать всюду отпор, везде лезть со своими «инициативами», ото всех, от кого можно, добиваться поддержки и одобрения, словом, продолжать хрущевско-брежневские игры на мировой комедийной сцене в ущерб престижу государства и нашему бюджету.

9 октября 83 г.

Сегодня мы с внуком решили погулять по Подмоскovie. Я выбрал, оказалось, очень неудачный маршрут. Да еще с погодой не повезло, пошел дождь и пришлось добираться до автобуса по грязной дороге. По пути встретили женщину, у которой спросили, как пройти до Алабино. «Пойдемте, покажу». Прошлись вместе с полкилометра. За это время она, как водится, чуть ли всю биографию рассказала. «Прямо не пройдете. Если б еще сухо было, а в эту пору – только на тракторе. Вот, если каждый сбросился хотя бы по пятерке, тогда и дорога была бы. Да что там говорить: могли бы и сотню в месяц дать на дорогу, ничего бы не случилось. Если бы не пили, конечно!..»

Во тебе и вся Россия. Ничего подобного ни в Чехословакии, ни в ГДР, ни в Болгарии даже не увидишь: чтобы в поселке городского типа с тремя крупными заводами, улицы были непролазно не мощенные, не говоря уж о дорогах за пределами поселка.

Выход только один: остановить производство ракет. Хватит нам имеющихся, чтоб числиться великой державой. Послать всех подальше и заниматься вот этим, что совсем недалеко от центральных московских улиц.

К этому же: прошли мы мимо генеральских дач: километра три шли – и все чуть ли не дворцы с огромными ухоженными участками. А ведь только под Москвой таких генеральских поселков – не один. За что спрашивается? Воевали? Все воевали... и потом работали, что-то создавали, какую-то, пусть малую пользу приносили. А генералы тем временем сидели и продолжают сидеть на шее у народа, развращая этот народ одним видом вот таких поселков – и чем дальше, тем больше будут развращать, потому что уже сейчас в этих роскошных домах по индивидуальным проектам, с гаражами и пристройками живут их потомки, которые даже видимости заслуг перед Родиной не имеют!

27 октября 83 г.

Вторжение США на Гренаду. Это – «моя» страна. Я был у истоков контакта с нею: на съезде в Ямайке познакомился с Коардом, он произвел на меня впечатление образованного марксиста и «твердого искровца». Потом был его визит к нам, потом установились дипломатические отношения и т.д. А теперь Коард выглядит убийцей Бишопа, человеком, который спровоцировал интервенцию. Впрочем, вполне нормальное, историей освященное развитие всякой революции. И не нам бросать камень в адрес тех, кто хотел ее ускорить или хотя бы укрепить. Тем более, что мы не сделали и минимума, чтобы помочь экономически этому малюсенькому государству (с населением, наверно, меньшим, чем на моей Кропоткинской улице), чтобы за два-три года они не оказались с 40 % безработицей.

Главное теперь в другом. Рейган еще раз доказал, что в своем «крестовом походе» он будет бесчинствовать, как захочет, ставя нас во все более глупое положение – «сверхдержавы», неспособной его остановить. А так как мы действуем по плану, то у нас и получается: в 1972 году американцы начали бомбить Ханой – мы приняли Никсона в Москве. Сейчас они вторглись в Гренаду и, наверно, скоро сделают это в Никарагуа, а мы? Вчера вечером Андропов выступил с кардинальными предложениями для Женевских переговоров – по средним ядерным средствам. Кубинцы чтут и оплакивают своих людей, героически и до последнего сражавшихся на Гренаде против морской пехоты США. Весь мир содрогнулся, даже Тэтчер «осудила» Рейгана, а мы вроде отвлекаем внимание всего мира на действительно жизненное для человечества дело. Но морально теряем, выглядим при этом эгоистами.

К тому же нас сейчас начнут унижать: мол, «твердость» Рейгана дала свои результаты – СССР вновь пошел теперь уже на очевидные крупные уступки.

30 октября 83 г.

На работе дочитал шифровки. Довел с Соколовым пономаревскую статью для ПМС, отправил ее в Прагу. Зашел к Загладину, у которого сидел Шумахер – редактор СДПГ'овского теоретического журнала (аналог нашего «Коммуниста»), встрял в дискуссию – как опасно невежество в отношении России и Советского Союза, особенно со стороны американцев. Бородач, называя меня Негг Черняев, поддержал тему: понес Буша, его речь в Вене.

В субботу утром правил проект доклада Пономарева для совещания редакторов коммунистических газет. Потом гулял с внуком по старому Арбату. Зашли в букинистический и магазин иностранной книги. Я поразился обилию альбомов с репродукциями великих итальянцев, голландцев, французов – а я-то считал себя на этот счет обладателем сокровищ!

2 ноября 83 г.

Три с половиной часа беседовал с делегацией ННП (социал-демократы) Ямайки. Интеллигентная публика. Хорошо говорят – британская выучка. А в конце помимо всяких рядовых просьб (радиоаппаратура, автомашины, газетная бумага, студенты и проч.) ... генсек попросил своих коллег выйти и передал обращение Мэнли к Андропову: дать денег на избирательную кампанию. Вот и вся недолга!

Потом ругался с мидовским Ковалевым по поводу ответа Андропова Берлингуэру (по ракетам). Энрико второй раз «настаивает» на уступках с нашей стороны. И мы, и МИД, конечно, за отлуп, но мы – на товарищеско-партийном, а не на казенно-бюрократическом языке.

Сочинял телеграмму послу в Лондон – собкору «Правды» Масленникову, чтоб поговорили с Макленнаном и другими об угрозе раскола КПВ и что мы этим озабочены.

Разговор с Брутенцом: эпизод, достойный кисти Айвазовского. Он с Пономаревым принимали мексиканскую делегацию у Черненко. Беседа, видно, проходила не очень активно. А когда К.У. пошел, попрощавшись, на выход, Б.Н. бросил Брутенцу: «И этот еле ходит!» Имея в виду, что Андропов уже серьезно болеет, хотя и соприкасается с кое-какими делами. А на беседах с йеменским Мухаммедом, которого возили к нему в Крым, его приходилось подхватывать под руки, так же, как в свое время Брежнева в Бонне.

В результате инициативы и высокие намерения уходят в песок. От слов до дела опять не доходит. И, наверно, ни сил, ни интереса (из-за здоровья) не хватает, чтобы добиваться, контролировать, рисковать. Беда, ей Богу!

5 ноября 83 г.

Завершили доклад для Пономарева. Поскандалил с ним по поводу его очередной истинной лжетеории «о провалах империализма» (на фоне разгрома Гренадской революции, позиции Румынии, исчезновения социализма в Польше, Анголы, дышащей на ладан, Мозамбика, где Самора поехал «по Европам» в поисках оружия; на фоне установки американских ракет в Европе, нашей беспомощности защитить Ливан и Никарагуа, отступления рабочего движения даже в экономической борьбе, втягивания Миттерана и Накасонэ в НАТО, тяжелейшего удара по всей революционной стратегии Кастро в Латинской Америке и т.п.). То ли он действительно не понимает, что происходит в революционном процессе, то ли сознательно занимается оптимистической демагогией. Значит: либо мы окончательно подчинили теоретический смысл текущей пропаганде, либо мы и в самом деле не в состоянии смотреть правде в глаза. А ведь Ленин не стеснялся признавать такие «спады» (III Конгресс КП, ВКП(б), на XIV, на XV съездах).

Чего же он тогда пыжится изображать собрание редакторов компечати, как мини-Совещание компартий! Ведь они на смех поднимут такой дешевый оптимизм, справедливо увидев бессилие и теоретическую нищету КПСС... А мы ведь, начиная с ноябрьского Пленума обещали «реалистически оценивать обстановку». Впрочем, в Заявлении Андропова подобного нет! Но МКД правит пока Б.Н. Стыдоба.

Козлов и Вебер в коридоре поджимали животы: ты, говорит, вел себя, как проштрафившийся футболист. С судьбой-то ведь не спорят! Он тебе уже две желтые карточки показал, а ты все свое! Смотри, говорят, дисквалифицирует он тебя на три последующие доклада!

Был на торжественном заседании во Дворце Съездов. Андропов не появился. Доклад Романова – без тени культизма. Без хвостовства и почти без демагогии. Представляю себе, каков бы был доклад у него же год назад! Что-то таки заметно изменилось в атмосфере. Андроповская эра хоть в этом дает о себе знать.

Были у меня сегодня Чейтер и Mary Rosset из «Morning Star». Газета гибнет: просят помочь спасти. И партия, по их оценке, гибнет, как классовая.

Дезька (Давид Самойлов) прислал свой последний сборник и милое письмо.

7 ноября 83 г.

Парад. Очень сложные переживания: сравнения с демонстрациями школьных и студенческих лет, отзвуки войны (солдаты, строй, техника, музыка), но в затылок пошлые разговоры бодрящихся сановников – «господствующий класс», для которых нет ничего

святого, никаких идей, тем более – воспоминаний и сожалений. Довольно веселые демонстранты: истовые ортодоксы, кричащие лозунги, ироничная и готовая на озорство (в дозволенных на Красной площади рамках) молодежь – а в целом ощущение вынужденной непосредственности: почему бы не прошвырнуться по улицам и не пошуметь! Неприятная (особенно зная, что на трибуне много зарубежных друзей и недругов) живая цепь из дружинников, которая отделяет демонстрантов от Мавзолея. Но хорошо, что уже нет школьников с цветами и перемерзших «спортсменов» за час для массовых представлений.

Не было, как и вчера во Дворце Съездов, Андропова. Значит, болен. И не думаю, что излечим, учитывая, что говорил Колька.

Дважды заезжал на работу. С пономаревским докладом пока ничего не происходит. Никто его в ПБ в праздничные дни, конечно, не читает. Но завтра придется все доводить, ведь 9-го утром он начнет его читать на одиннадцати языках.

12 ноября 83 г.

Провели «мини-Совещание МКД». В «доме Павлова» (управляющий делами ЦК, «народное» название – как издевательский намек на «дом Павлова» в Сталинграде 42-го года) – новой партийной гостинице, стоившей советскому народу, как выяснилось, 30 миллионов! Но – со вкусом. Роскошь, но не купеческая.

На этот раз собрались «наши друзья» охотно. Только итальянцы еще раз проявили провинциализм: прислали делегацию на празднование Октября, но запретили участвовать в «коллективных акциях».

Б.Н. прочитал им почти полтора часовую лекцию. И тут же велел ее адаптировать, как статью для «Коммуниста». Афанасьев – главный редактор «Правды» и академик представил сначала совершенно убогий текст, который, между прочим, содержал и такой пассаж: год назад умер лидер партии и народа Леонид Ильич Брежнев... Отрицал наличие нового периода в развитии советского общества... Нет! – Это не оппозиция: просто равнодушие и глупость.

Мы с Загладиным забраковали этот текст. Тогда он сказал, что будет выступать без текста. Это получилось даже «откровенно», по-просту. Поэтому, хоть и непроходимо для нашей печати, – вполне уместно для «друзей». Тем не менее перед раздачей на языках мне пришлось его основательно отредактировать.

Загладин устранился от всего этого – от всего мероприятия, я имею в виду: и от Б.Н.'ова доклада, хотя тот его просил специально, и от подготовки организационной и политической. И даже от участия во встрече, – посидел вначале несколько часов, за это время написал поденную статейку о 70-летию Куньяла для «Правды» и исчез, а на другой день уехал в Берлин на встречу замов Международных отделов соцстран.

Жилин так же, как всегда при большом деле, сумел сачкануть, хотя по штату и доклад Б.Н., и текущая информация о встрече, и информация об ее итогах – это его служебная обязанность, не говоря уже о редактировании соответствующих текстов для печати. До встречи он побаливал, на праздниках и в «ходе» самой встречи был заметно пьян.

Пышков, которому поручено было возглавить группу информации, подготовил две постыдные бодяги, которые я забраковал. Последний вариант, который «успел одобрить» Загладин (думаю, не читая) я подверг разбору в присутствии всей его группы (там же во «дворце встречи»). Он вел себя ужасно, перебивая меня на каждой фразе. В конце концов мне пришлось стукнуть по столу и заставить слушать меня. На утро был представлен текст получше, который, однако, мне пришлось самому фактически переписать. А один из его группы, сказал: «Раз ему все не нравится, пусть пишет сам. И вообще, к чему выпендриваться, какая разница, как написать: никому это не нужно, никто это там (т.е. в ПБ) все равно читать не будет». Последнее правильно. Такую же фразу произнес вечером Пономарев, когда правил записку в ЦК (к которой «информация» служит приложением) и переносил из информации в записку кое-какие места. Я начал было возражать, но он дважды меня урезонил: «Кто эту

информацию будет читать?!» Хотя сам на встрече, обернувшись (я сидел сзади него) поручил мне «срочно» ее подготовить и насытить «интересными» мыслями и заявлениями из выступлений участников.

Во всей этой истории раздражителем для меня осталось поведение Пышкова, а потом Ермонского. Пышков вел себя, как «любимчик Пономарева», которому все позволено, и явно демонстрировал (в том числе перед людьми из других отделов), как он может разговаривать с зам. завами. Между тем, он давно уже паразит, который составляет для Б.Н. доклады для внутренней аудитории, нарезая их из наших сочинений для того же Пономарева, но «с международным акцентом». В остальное время пьянствует, превратив свой кабинет в забегаловку.

Ермонский – баловень теоретических дач (в этом году он пробыл там три четверти года): то доклад Зимянину к 70-летию РСДРП, то статьи для Черненко в ПМС и «Коммунист», то доклад Романова к 7 ноября... Его просят туда, сам Зимянин звонит и называет его. Он, действительно, пишущий, хотя и не очень образованный. Раньше был вполне приличным парнем. Теперь он рядовую, черную работу консультанта делать не хочет, нос воротит. Это должны делать Вебер, Козлов, теперь и Рыбаков – люди в общем-то более высокого класса, чем он, но не потерявшие чувства порядочности и долга перед службой, за которую они получают зарплату.

Почему, однако, я так реагирую, хотя речь идет действительно о никому не нужной продукции.

Во-первых, потому что доделывать за всех: Загладина, Жилина, многих консультантов, зав. секторами приходится самому. Но почему доделывать? Ведь и так прошло бы, никто не обратил бы внимания. Чувство достоинства ремесленника за свое изделие не позволяет поступать иначе.

Во-вторых, потому что мне претит, когда люди пренебрегают и даже презирают «свое дело», равнодушны к нему и все их помыслы направлены на то, чтобы «спихнуть на другого» или «сбыть с рук». Хотя за это «их дело», которое они не хотят делать порядочно, они получают по пол тысячи в месяц, кормушку, поликлинику, дачу и т.п. Это не порядочно, как минимум!

Да, люди устали, люди видят бессмысленность вкалывания. Масса энергии уходит в корзину. Но кто вас держит? Поищите себе (на шестом десятке) работу, где вы видели бы прямой результат и были бы удовлетворены.

Вчера перелистал больше сотни шифрограмм со всех концов света. Одна – с тревожной припиской Андропова, в которой он дает поручение «сделать все возможное, чтобы предотвратить вторжение Рейгана в Никарагуа (по примеру Гренады), ибо это будет страшный удар и по Кубе, по всей политике Кастро, а значит и по нам – и как великой державе, и как оплоту социализма и освободительного движения».

Это, между прочим, к вопросу о том, что «империализм терпит одно поражение за другим», - теория, которую Б.Н. навязывал и навязал в свое выступление на вышеупомянутой встрече. И это пойдет в «Коммунист». Надо, впрочем, втихоря вычеркнуть это место, пусть потом машет руками. Но хоть спасу от позора журнал.

Я все не о том пишу. Может быть, для того, чтоб не писать о себе. Меня мучает радикулит. Боли бывают страшные, однажды едва до работы добрал. Лечиться некогда, да и не хочется – не верю. И все думаю – обойдется, пройдет. Все еще уповаю на свое безотказное тело, которое сумело остаться молодым до 60 лет.

Вчера проглядел книгу о Ландау. Книжку об Эйнштейне так пока и не дочитал. Схватился сегодня за Байрона («Манфред») с подачи TV, которое по учебной программе давало его тетради. Давно, кстати, не обращался к его дневникам, как и к блоковским. Надо бы освежиться. А то я разучусь писать собственный.

Был банкет после встречи коммунистических деятелей печати (а фактически представителей ЦК) в том же «доме Павлова». Б.Н. произнес тост, хорошо, что по бумажке, которую мы ему заготовили, хотя добавил про ленинскую «Искру». Впрочем, он обладает

поражающим всех нас свойством искренне считать (после произнесения), что все доклады, речи, тосты, статьи, заявления и т.п. он делает сам. Постояв в президиуме, я пошел в обход, зацепился с Берецом (теперь редактор «Непсабадшаг» (центральный орган партии), а раньше был зав. отделом ЦК ВСРП), с американцем, с ямайцем, который, кстати, очень хорошо выступил на встрече, с австралийцем, с французом из «Юманите»... Тут меня позвали к телефону. Пономарев, который уже «отъехал», звонил из машины. В коммюнике о завершении встречи надо добавить, что он выступал в заключение (не надо, что на банкете!), что выразил «политическую суть» и какую ответную речь от всех произнес чех.

Отошел я в сторону, на диване сочинил два абзаца. Отдал Афанасьеву, он – мальчику из «Правды». Полосу, конечно, остановили, хотя было уже 10 часов вечера, и «внесли».

14 ноября 83 г.

Младший референт из сектора Джавада Волков, направленный в Женеву на стажировку в качестве кандидата на международного чиновника в ВОЗ по линии минздрава, уехав туда 4 ноября, 12-го напился в баре, отказался платить по счету, был взят полицией и доставлен в совпредставительство. Там, проспавшись, заявил, что ничего не помнит, и был первым же самолетом возвращен в Москву. За 6-7 лет пребывания в Отделе не был замечен ни в каких грехах, особенно в пьянстве, не обладая абсолютно никакими достоинствами, тихоня, вежливый, бессловесный, сам говорил, что ему даже до референта не вырасти, просил устроить его куда-нибудь вне ЦК. Мне за это полагается выговор по партийной линии.

Давно известные стихи Пушкина по вечернему радио. Трогает. Теперь только, на седьмом десятке чувствуешь каждое слово стиха и что за этим каждым словом.

15 ноября 83 г.

Очень нервный день:

- Проект статьи Устинова о нашем отпоре американской угрозе. Рассылка по Политбюро, замечания для Пономарева.
- Верстка выступления Пономарева для «Коммуниста» Словесно его дидактика еще туда-сюда, но в печатном слове – никуда, вот и выкручиваюсь.
- Горбачеву встречаться с американским деятелем, наследником хрущевского фермера Гарста (Кристалл). Памятка, материалы в пандан его собственным «философским» размышлениям о двух «сверхдержавках» и судьбах мира.
- Памятка для Пономарева, который в четверг отчитывается на Политбюро по итогам встречи коммунистической печати.
- Всякие бумажки и записки по текущим делам.
- До сотни шифровок и всякие исполнения и поручения по ним.
- Прием гайанской делегации (специальный представитель президента Бэрнхэма, главнокомандующий, два члена руководства правящей партии). Привезли послание Андропову, объясняли, что после Гренады, Никарагуа на очереди они и Гайяна. Поэтому спасайте: экономическая помощь, военная помощь.

Морочил им голову обещаниями и спровадил в ведомства для «конкретной» проработки их просьб. До этого получил инструкцию Пономарева: военной помощи не дадим, это значило бы поставить их под удар американцев, «а сделать мы ничего не можем»...

- Заседание у Пономарева: Епишев, Чебриков, Крючков и какой-то генерал-лейтенант из 7-го управления – по одобренной Андроповым идее Б.Н.'а развернуть работу «среди войск противника», т.е. среди американских войск за границей. Очень он им, этим профессионалам, наскучил мемуарами о работе «среди немецких войск» во время войны (он тогда этим занимался в Коминтерне). Все соглашались, но вежливо давали понять, что сейчас не война и что американские войска – наемники, с очень хорошей зарплатой и что ГДР, например, не позволит засылать воздушные шары с листовками в воздушное пространство

ФРГ и что в ответ завалят наши войска в ГДР листовками и радиовторжением... Однако, Пономарев, конечно, «был прав» и все получили поручения. А слушать его побасенки было стыдно.

Бездарность американского сектора во главе с сидящим там Мостовцом. Приходится все переделывать самому или перепоручать Меньшикову, другим консультантам. И референты – ему подстать.

17 ноября 83 г.

Горбачев потребовал, чтоб я присутствовал на его беседе с американцем Кристаллом. И хоть мне стоило это дополнительной работы и времени, я не пожалел. Горбачев – молодец: живой ум, он буквально атаковал американца силой убежденности, знаниями, аргументами, свободным владением материалом – в особенности, конечно, по экономическим делам. И на того произвело впечатление: с такими людьми во главе Советский Союз действительно может добиться того, что провозгласил и обещал.

Когда я рассказал о своем впечатлении от Горбачева Пономареву, это ему очень не понравилось. Не может он согласиться с тем, что кто-то умнее его, тем более, что я «простодушно» пытался рассказать, как умело Горбачев провел и международную часть беседы.

Завистлив, мелок, до мозга костей развращен чиновничьей трусостью и карьеризмом. Жалко и обидно.

Вчера он обсуждал с нами (замами) новую записку Андропова в ПБ о том, что делать после установки ракет. Но об этом особо. Вечером дома, после очень трудного дня, набросал еще «концепцию» своих выступлений во Франции, куда поеду в воскресенье.

29 ноября 83 г.

С 20-27 ноября был во Франции. Делегация по плану партобмена. Но сил нет описать. Впрочем, житейских впечатлений почти нет. Все время отняли дискуссии.

3 декабря 83 г.

Инерция товарищества, желание пожаловаться бывшему старшему брату – среди простых рабочих в Лионе. А вообще: отбытие дипломатической нормы отношений – обмен информацией, а не заинтересованный разговор единомышленников, как это было еще лет 15 назад. В течение всей недели во Франции меня не покидало чувство: чужие мы, и нет ни им, ни нам дела до того, чем каждый занят (если не считать академической, теоретической стороны).

Меня задело интервью Марше в «Монде» (22 ноября) – «тотальная» поддержка внешней политики Миттерана. И даже не потому, что это попрание интернационализма и может нанести ущерб антивоенному движению, антиимпериалистической солидарности коммунистов (так я написал в шифровке). А по эстетическим, что ли, соображениям: противно, когда плюют на собственные принципы, когда так цинично демонстрируют свой оппортунизм, отвратительно это внутреннее ренегатство. Всякое бывало, но когда целая партия так постыдно мажет грязью свое коммунистическое чело, - тошнит. Особенно гнусно, когда ФКП, с ее торезовским прошлым, аплодирует президенту, приказавшему бомбить национально-освободительные силы в Ливане, оправдывает это, ссылаясь на необходимость «возмездия»...

Я все это выложил Максиму Гремецу (член политбюро, секретарь ЦК, унаследовавший место Канапы). Он юлил и горячился. А потом фамильярно попросил «понять их»: вы же, говорит, умные, тонкие политики...

Между прочим, оппортунизм политический ведет к снижению интеллектуального уровня кадров. За долгими по-французски обедами–дискуссиями разговаривал с несколькими членами ЦК. Их осведомленность «в области теории», их потуги философствовать по поводу своей политики оставляет жалкое впечатление. То и дело останавливал себя, чтоб не раздевать их в присутствии товарищей, а нищета их мысли была в нос.

Это не значит, что я что-то мог бы им предложить. Но будь я, мы, на их месте, наверно, вели бы себя иначе. Главная их беда нравственной природы пономаревский тип коммуниста – плохо (и даже опасно), но этот еще хуже.

С точки зрения туристической, поездка была самая пустая. Нигде не был, ничего не видел, кроме ЦК ФКП, метро, ресторанов и одного фильма с Бельмондо. Потому, что с утра до вечера – дискуссии. Даже Лиона не видел, в котором мы пробыли целый день.

Однажды, когда выдался свободный вечер, двинулся было в сторону пляс-Пигаль, но не дошел, поздновато и жутковато на совершенно пустынных улицах, заставленных автомобилями.

И очень мало денег оказалось, референт отдал все представительские в посольство и мы остались с суточными грошами.

Вернулся в Москву и опять то же самое: пономаревские затеи с пропагандой правды о нашей хорошей внешней политике. Опять чрезвычайное совещание секретарей ЦК соцстран – в свете установки американских ракет в Европе и нашего ухода из Женевы. Хотя разосланы всем и каждому письма с разъяснениями Заявления Андропова и mass media с утра до вечера разъясняют, внедряют, убеждают.

Вновь для меня загадка: верит ли Пономарев в то, что мы что-то можем до кого-то донести, убедить своей сверхактивностью, или просто у него нет личной альтернативы, как иначе быть при большой политике.

Я спросил на «Рон-Пуленке» ребят – коммунистов (активисты парторганизации на этом заводе: 25 000 работающих, 9 200 – членов ФКП), как они относятся к нашей внешней политике. «А мы ее не знаем», - чистосердечно ответили они в один голос. И пояснили: то, что вы пишете и говорите, до нас не доходит, «Юманите» читает 20 % коммунистов, остальные (не говоря о беспартийных) газет, кроме спортивных и развлекательных, вообще не читают. А люди с улицы убеждены, что участвовать в пацифистском движении, значит «работать на Москву».

Вот так-то! А мы тратим на одну АПН миллионы. Впрочем, посольские уверенно заявляют: эту макулатуру мы «складируем» в подвальных помещениях, чтоб не срамиться.

Итак, пишем очередной доклад Пономареву – о последствиях «Першингов и крылатых ракет в Европе» и «что делать» в этой новой ситуации всем, всем, всем! А что на самом деле делать, никто не знает и сам Пономарев – меньше всех, кроме, конечно, того, что надо разъяснять Заявление Андропова и «не допустить» спада антивоенного движения в Западной Европе.

Между тем, наши друзья из соцстран едут к нам (в который раз!) в надежде получить хоть намек на практическую программу..., помимо уже известных им «ответных мер» и что надо убеждать в их необходимости, особенно в Чехословакии и ГДР, где (как доносят наши ТАСС'овцы) довольно широкое недовольство и страх.

Хожу иногда вдоль своих книжных полок. Перебираю глазами. И оторопь берет, сколько прочитано в жизни, сколько забыто из прочитанного, сколько невозвратимых удовольствий оставлено в книгах, и сколько навсегда утраченных, своих и чужих мыслей! И что еще! Ничего уже там не почерпнешь? Это как и во всей истории культуры: взял как-то том Монтеня, полистал, и вновь ошарашен. Ведь еще в XVI веке были открыты и проанализированы все мотивы и все пружины человеческих отношений. Ничего нового за 400 лет, кроме внешнего оформления того же самого. Так и в личном общении с книгами... Вроде бы уже ничего тебе в них не нужно, не пригодится ни для чего: ни для службы, ни для самообогащения, ни для общения с другими.

Андропов по-прежнему не появляется. Но постоянно присутствует: записками в ПБ, в Секретариат, поручениями, звонками и т.д. Жалко. Хорошо начал. Надежда появилась. Вряд ли его вылечат. И что потом?

Пленум откладывали, откладывали и все-таки назначили на 26 декабря. Дальше – некуда, надо план утверждать на 84 год.

4 декабря 83 г.

Плохо спал. Утром бросился править доклад Пономарева: на свежую голову! Кретиническая добросовестность «ремесла», от которой получаешь даже, если не удовольствие, то удовлетворение.

6 декабря 83 г.

Сегодня доделывал доклад Б.Н. для совещания Секретарей ЦК соцстран, который еще больше потерял смысл, как и само совещание – после вчерашней пресс-конференции Огаркова-Корниенко-Замятина, на которой тоже, впрочем, не было сказано ничего нового.

После обеда я принимал делегацию Ирландской рабочей партии во главе с генсекретарем Шоном Гарландом. Несколько лет мы добивались от О'Риордана согласия на контакты с нею. Так и не получили его. Но я уговорил Б.Н.'а и состоялось решение ЦК. Взял на себя заявить им, что с этого момента межпартийная связи между РПИ и КПСС можно считать установленными.

Серьезная партия с глубокими корнями в национальной почве и с искренним стремлением перенять опыт дореволюционных большевиков. Конечно, за ней будущее. И О'Риордан оказывается за бортом совсем.

Но для нас еще один сигнал: МКД расширяется не только «еврокоммунизмом» и китайцами, но и появлением вот таких партий, которые свободны от груза ошибок и не осуществившихся надежд комдвижения, которые ничем формально ему не обязаны, но которые принимают на себя бремя революционного процесса.

И хорошо, что у нас хватает здравого смысла, не копясь в природе и характере этого явления, брать их всерьез и признавать их.

7 декабря 83 г.

Пономарев получил еще один щелчок. Готовя нас к написанию его доклада на предстоящем послезавтра совещании Секретарей ЦК соцстран (о том, что делать после установки «Першингов» и «Томагавков»), он с подъемом говорил, что надо на этот раз усилить политический (государственный) момент в нашем докладе, поднять над чисто пропагандистским характером этих совещаний. Мы обрадовались и настроились, хотя и без перебора, понимая, что эти претензии Б.Н.'а будут укрошены МИД'ом. Но он заявил, сходит к Черненко и договорится еще до рассылки.

Главный вопрос – переговоры. Понятно: мы закрываем их все, Вену... Но весь мир требует переговоров. Антивоенные движения, друзья и социал-демократы предупреждают, что СССР «потеряет лицо», если «упрется». Тем более, что он сам давно, даже на съездах утверждал принцип переговоров, как единственный метод предотвращения ядерной катастрофы. Тем более, что уже был «опыт»: в 1979 году после решения НАТО, мы тоже устами Громыко и всей пропаганды заявили, что переговоров не будет, если они не отменят это свое решение о «довооружении». А потом-таки поехал в Женеву!..

Понятно: тактически нам нужно (для престижа) держаться «жестко». Но дальше-то что? Ладно – пусть мидовцы на своих собраниях (есть у них Комитет зам. министров соцстран, есть «институт» совещаний министров) – долбят в одну точку. Но, когда собираются Секретари ЦК, члены ПБ, «верные друзья», собираются впервые без румын

(которые отказались), можно, наконец, поговорить действительно по-дружески, доверительно, конфиденциально.

Мы с Загладиным вставили в текст для Б.Н.'а не много: мол, наши ведомства пересматривают сейчас всю проблему гонки вооружений, с учетом установки американских средних ракет. Работа не завершена, но цель ее – разработать новую платформу, которая при строгом соблюдении принципа равной безопасности – будет предложена Западу. (Передаю смысл, не текстуально).

Так вот в рассылке по ПБ Громыко все это вычеркнул, так же как и выраженное позитивное отношение к «плану Брандта».

Осталась опять одна пропаганда, попросту говоря, - призывы поддерживать и разъяснять, пропагандировать, обосновывать и оправдывать советские ответные меры. С точки зрения «социалистического интернационализма» это бесстыдство. Это циничное великодержавие, демонстрация того, что страны содружества обязаны «поворачиваться» по нашему мановению без права даже на ушко сказать нам о своих заботах или проявить минимальную инициативу.

Когда мы вернемся на переговоры, они должны будут с таким же рвением доказывать и своим народам, и всему миру, что это так же правильно, как правилен наш нынешний отказ от переговоров.

Но это, так называемая, «большая политика». А каков Пономарев! Он теперь мне и Загладину внушает, что никак невозможно и «было бы неправильно» говорить о каких бы то ни было переговорах. Рейган и К^о спекулируют на том, что мы, мол, все равно вынуждены будем вернуться в Женеву, несмотря на установку ракет. И поэтому надо им показать, что им не удастся успокоить общественность. Будто мы с Загладиным вчера родились, ни о чем не ведаем, а от него не слышали «решимости» вести политически серьезный разговор с друзьями на данном Совещании.

К Черненко он действительно обращался. Даже послал ему текст до рассылки, чтоб заручиться согласием до Громыко. Но тот продержал два дня, не прочел и разрешил делать рассылку, то есть – подставил Пономарева под громыкинскую оплеуху.

А Громыко, захватив монополию на внешнюю политику, играет в престижно-дипломатические игры, будто мы в 30-х годах, или в 50-ых. Если Андропов и дальше будет это терпеть, мы очень опасно можем приблизиться к ядерному порогу.

9 декабря 83 г.

Около 12 ночи. Провели Совещание. Мое брюзжание оказалось беспредметным: все довольны, все поставили свои галочки (и перед своим начальством, и перед Москвой). Все во всем согласны, в том числе – в осуждении румын, которые – «отступники» и «капитулянты», но рвать с ними не нужно, а надо «работать». И вообще – будем давать отпор и сплачивать всех, кто за мир. Коротковолновое общение то с теми, то с другими (венгры, болгары, немцы) убеждает, что все очень хорошо понимают правила (нашей) игры в ядерную дипломатию и стратегию, а так же и то, что деваться некуда и надо втихоря приспособливаться и урывать, где безнаказанно можно это сделать.

Мы, аппаратчики, выполнили свою службу четко и быстро: речи, доклад, коммюнике, стенограммы, записи, информация по итогам, заключительное слово, а на этот раз также письмо к своей партии (почему не было румын), и к братским партиям не соцстран (на эту же тему). В 16.00 Совещание кончилось, а в 20.00 уже были готовы все «вытекающие» из него бумаги.

10 декабря 83 г.

Очередной том «Истории марксизма» в издательстве «Прогресс» (рассылается по «списку»). Амбарцумов – автор предисловий, создает новый (для элиты) стиль критики анти-

и-немарксизма и попутно реабилитирует Бухарина: в советских типографиях о нем ничего похожего не печаталось на протяжении 50 лет! Парадоксально (впрочем, закономерно), что Пономарев – автор учебника по истории КПСС, который чуть ли не каждый год переиздается и по которому учатся все студенты и проч., понятия не имеет о том, что через вот такие издания фактическая информация о подлинной истории нашей партии уже знакома большому числу советской интеллигенции, во всяком случае – думающей и неравнодушной. Возможно она доходит и до студентов.

18 декабря 83 г.

Вчера еще раз встречался с ирландцами. Теоретические дискуссии кончились тем, что они попросили денег... Мол, прежние источники «ресурсов» практически закрылись в виду ужесточения охраны банков и усовершенствования их электронной защиты. «Зав. техническим отделом» (так называется у них группа по ограблению банков на нужды партии) недавно погиб при очередной операции... Деньги иссякают, а надо «строить» партию, надо издавать газеты и литературу, надо участвовать в выборах.

Я, естественно, объяснял им, что вопрос трудный, деликатный, у него много сложных аспектов... А про себя думал – не выйдет у вас, дорогие товарищи.

Сегодня встречался с Клэнси. Героический человек. Слеп, но полон мужества и энергии создать объединенную, новую компартию в Австралии. Обласкал я его, приободрил. И думаю, можем мы ему помочь – через ВЦСПС, главным образом. Однако, весь этот «объективный» процесс концентрации левых сил рухнет, как только не станет Клэнси.

Собираюсь на днях пойти в отпуск, в Пушкино, наверно. Даже боязно как-то уходить в физическое одиночество и пробовать себя после всего, что случилось, на лыжную и бассейновую выносливость. Лет 10 я там уже не отдыхал...

29 декабря 83 г.

Нахожусь в Пушкино. Погода мокрая, лыж не получилось.

Приезжал на Пленум. В новом помещении специально для этой цели: встроено в казаковский дом напротив Свердловского зала. Хрусталь, белый мрамор, палевое дерево, кресла пост-модерн. Видимо, наследие Павлова, который ходил там вчера уже отставником и, должно быть, легко отделался: его бы в самый раз из партии попросить.

Андропов не был. Прислал свое выступление, которое было роздано. И, что хорошо, что именно так сделали, в отличие от одного, помню, Пленума при Брежневе, когда выступление роздали, но попросили всех молчать, что оратор отсутствовал, и в газетах дело представлено так, будто он был.

Очень спокойный, серьезный текст, вновь подтверждающий «новую эпоху», и только - о внутренних делах. А дела, видно, сдвинулись, но только-только. Это можно определить и по выступлениям. «Спектр» выступавших был более широким, чем обычно. Как правило, самоотчеты и обязательства секретарей обкомов и министров, которые, кстати, с подачи Гришина, выступавшего первым, по-прежнему считали необходимым информировать Пленум ЦК, что «товарищ Андропов Юрий Владимирович – Генеральный секретарь Центрального Комитета коммунистической партии Советского союза, Председатель президиума Верховного совета СССР». Только Горбачев, Тихонов (их выступления – тоже новшество – по крайней мере за последние 10 лет) и директора заводов, а также доярка отошли от этой «нормы» и называли Андропова просто товарищем Андроповым или Юрием Владимировичем. Впрочем, персональный восхвалений почти не было (опять за исключением Гришина и еще Багирова, наследника Алиева в Баку). Но – и это очень хорошо воспринималось – желали Ю.В. скорейшего выздоровления под аплодисменты.

Опять же со времен Брежнева осталась «традиция» вставать, хлопая, когда в президиуме появляется Политбюро. Как школьники – в классе. И наоборот: утрачена, к

сожалению, хорошая партийная традиция – не хлопать после выступления каждого, как в театре или на торжественном заседании. Это тоже, кажется, возникло при Брежнев, и то не сразу, а примерно, с начала 70-ых годов, когда появилось выражение «и лично» и начался квази-культ Леонида Ильича.

Откровенно говоря, для меня было неожиданным избрание Соломенцева и Воротникова членами Политбюро, хотя первое – логично в нынешней ситуации ужесточения контроля за партийными нравами (вернее – «непартийным поведением» должностных лиц), а второе – просто хорошо для России. Воротников, говорят, мужик умный и самостоятельный, хотя и не очень церемонный.

Чебриков – в кандидаты члена ПБ - тоже понятно. Об этом я слышал и до Пленума, так же как об избрании Лигачева Секретарем ЦК. Это, кстати, значит, что Капитонова окончательно отстраняют от кадровых дел.

Выступления Горбачева и Тихонова были «по делу», без треп, без демагогии и хвастовства, с конкретными идеями экономического и другого свойства. И это - тоже явление новое, т.е. давно при Брежнев забытое. Вообще на Пленуме, хотя и мало было нового по существу, но начисто, пожалуй, отсутствовал дух дворцового ритуала, ориентированного на первое лицо, хотя ритуальность политическая (в том смысле, что Пленум – отнюдь не вырабатывающая позиции и не решающая инстанция, - все решено заранее) оставалась, конечно.

Были яркие выступления, свидетельствующие, что кадры у нас есть, способные хорошо делать свое дело. Особенно мне запомнился молодой и красивый директор Магнитки, секретарь Камчатского обкома, Чечено-Ингушский секретарь...

Арбатов все время со мной советовался о его трех идеях, о которых он мне говорил в Барвихе, когда я у него был в гостях:

- О соглашении по зерну. Андропов прочитал, передал на заключение Патоличеву и тот завалил бесповоротно.

- Проект нового заявления Андропова по ракетам. Показал мне его, у меня возникли частные замечания, но вообще – это выход. Андропов прочитал и «разослал» в МИД, в Генштаб, Блатову, Александрову, сообщив им, что это – произведение Арбатова, т.е. внес «личный» момент в отношении этих читателей к тексту. Пока, говорит Арбатов, реакция у большинства такая: не примут ведь американцы! Своего мнения по существу предложений они еще не сообщили Андропову, кроме, кажется, Андрея, который, конечно, возмущен.

- Проект для избирательной речи пока еще не представил.

Арбатов совсем не расстроен, даже бодр и весел. Пусть, говорит, даже ничего не пройдет. Я свое дело сделал и незамеченным в этом отношении не останусь. Иначе говоря, и его меньше интересует суть дела, реальные последствия его собственных инициатив, не это для него главное. Главное – обозначить своевременно «свое присутствие» в большой политике. Он мыслит себя категориями государственными. Даже свои сугубо личные дела он считает естественным решать на уровне Черненко, а не на уровне, скажем, Чазова, если речь идет о медицине.

Загладин (виделись в перерыве на второй день) был замкнут в себе. Оживился только, когда к нему подошел Прибытков (помощник Черненко) и просил заготовить странички две для какого-то выступления или официальной бумаги. Он-то понимает, что сейчас не время для внешнеполитических инициатив, хотя тогда, на совещании загов у Б.Н., он отстаивал те же идеи, что в проекте Арбатова. Но ни сам он, ни тем более Б.Н., с ними никуда не пошли.

Заметил я, что почти ни слова никем не было сказано об идеологии и культуре. Впрочем, Андропов упомянул об идеологии, как об одном из средств выполнения и перевыполнения плана...

Заезжал на работу. Рыкин успел сообщить, что мне уже поручено выступать докладчиком на партсобрании по итогам Пленума.

Говорил вечером с Карэном: о всяких делах по службе за эти недели, о Пономареве, которого он застал как раз после заседания, где его опять обошли (в членстве ПБ), и как он, на глазах, овладел собой и опять настроился на активность, как ни в чем не бывало. Жалко его по-человечески, но с другой стороны, - не за что его «вознаграждать» повышением в члены Политбюро, тем более – не для чего: дело от этого ничего не выиграет.

С увлечением читаю Андре Моруа «От Монтеня до Арагона» и Юрия Левитанского.

Послесловие к 1983 году.

«Том», посвященный этому году, – с нынешней точки зрения – выглядит более «личностным», чем другие. По большей части речь идет о переживаниях автора дневника, его недовольстве службой, которую он нес в качестве зам. зава Международным отделом ЦК КПСС, – и в особенности – о неприязни и почти сплошном несогласии со своим непосредственным начальником Б.Н. Пономаревым.

Сейчас самому автору эта тема на первый взгляд кажется мелковатой, не заслуживающей общественного внимания. Однако, взглядевшись в конкретику того времени, он подумал: раздражение довольно высокопоставленного чиновника, каким был автор, его рассуждения и размышления могут представлять определенный интерес для тех, кто заинтересуется, тем более будет изучать доперестроечный период.

Автор недоволен реакцией Пономарева на происходящее в международных делах и в коммунистическом движении.

В первом случае, вред, им приносимый, малозначителен, поскольку его не допускали до решения больших вопросов. Но если учесть невероятную активность этого секретаря ЦК во внешнеполитической пропаганде и в «инструктаже» правящих партий соцсодружества, негативная роль Пономарева видна и она не без последствий.

Что касается коммунистического движения, то негодование автора записок носит скорее узко служебный характер. Он считает, что можно было бы вести дела «правильнее» и «лучше». Например, идти навстречу еврокоммунизму, не воспитывать братские партии в духе советского, для них особенно непригодного, опыта, не навязывать им замшелых догм и правил, освободить от барщины по апологетике СССР и «защите» его от империализма, в чем Пономарев усматривал главную их задачу и главный смысл самого их существования.

Иначе говоря, дать им возможность трансформироваться в национальную силу (что и попытались сделать вопреки сопротивлению КПСС еврокоммунисты).

Однако парадоксальность и даже нелепость позиции автора состоит в том, что он сам к этому времени (и уже давно!) не верил в перспективу коммунистического движения. «Улучшай» его или «не улучшай» – результат один (который вскоре, через какие-то 5–6 лет, и обнажился): МКД, давно ставшее де-факто политически ничтожной силой в мировом процессе, совсем сойдет и с исторической сцены.

Наполнение автором записок фактами и сведениями своего недовольства поучительно. Они свидетельствуют, что в руководстве КПСС начали ощущать безнадежность деградирующего коммунистического движения, утрату им даже своих апологетических способностей по отношению к советскому социализму. Компартии, по мнению некоторых в ЦК и в Правительстве, становились в некотором роде даже обременительными в качестве некоего компонента советской государственной «реалполитик».

Понятно сейчас, но тогда автор еще не мог четко артикулировать вывод: пока сохраняется идеологическая составляющая великодержавной внешней политики, КПСС не откажется от поддержки коммунистического движения, не снимет братские партии «с содержания».

Гневные характеристики, которые дает автор дневника своим коллегам, имеют теперь совсем иной смысл, чем просто констатация недисциплинированности, лености, «непорядочности» их лично. Отлынивание от работы, халтура были результатом полной утраты веры в дело, с которым они были связаны по службе, неуважение к этому делу и к тем, кто его возглавляет. Но автор и сейчас, понимая глубинную причину их поведения (гниение социально-политической системы в целом), не склонен, тем не менее, его оправдывать. Не верили тогда уже почти все, а «сачковала», халтурила, спихивала свою работу на других, часть из них, хотя, увы! и значительная. Здесь автор видит признаки морального разложения аппарата и его профессиональной деградации, что потом пагубно отразилось на формировании и деятельности демократизируемого при Горбачеве государства, немало «содействовало» гибели перестройки. Ведь утеря добросовестности, бескорыстия и честности

в деле, за которое аккуратно получаешь хорошую зарплату и пользуешься кое-какими привилегиями, характерной стала не только для коллег Черняева по международному отделу, а для аппарата в целом.

83-ий год, свидетельствуя, судя по записям человека, близкого к верхам и располагавшего закрытой информацией, об ускоряющемся и опасном ухудшении положения в стране, вместе с тем дал пищу для надежд на исправление. Иллюзии, как всегда у нас, связывались с личностью нового генсека, Андропова. Автора записок эти иллюзии тоже задели. Но он был из тех немногих в аппарате, кто искренне был озабочен судьбой страны, безотносительно к тому, как скажется «перемена к лучшему» на его собственной карьере. Именно среди таких появятся люди, вскоре поставившие себя на службу перестройке.